№ 4.

АПРѢЛЬ

1871 ГОДЪ.

СЕМЬЯ И ШКОЛА.

КНИГА I.

СЕМЕЙНОЕ ЧТЕНІЕ.

Содержаніе:

Волга. Разсказъ Старика. . . . 1
Прогулка по Капской землѣ. . . 19
Пчелы (окончаніе). 40
Кошениль 50
Самообученіе въ рисованіи . . . 61
Гвоздичка 75
Оптиметръ Парриса 79
Пылинки 82
Яйца 89

Приложенія:

1. Малороссійская деревня } Хромолитографированныя.
2. Еврей на молитвѣ } Хромолитографированныя.
3. Морской берегъ } Хромолитографированныя.
4. 5 и 6. Тѣже картинки черныя.
7. Пять сѣтей къ Оптиметру.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

СЕМЬЯ и ШКОЛА.

ПЕДАГОГИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ

ИЗДАВАЕМЫЙ ПОДЪ РЕДАКЦІЕЮ

Ю. СИМАШКО.

КНИГА I.

СЕМЕЙНОЕ ЧТЕНІЕ.

№ 4. АПРѢЛЬ 1871 г.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
Печатня В. И. Головина, Владимірская домъ № 15.
1871.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 4 Іюня 1871 года.

ВОЛГА *).

(РАЗСКАЗЪ СТАРИКА).

Прошла масляница, потянуло весной. Но только потянуло; и денекъ-другой теплынь, съ крышъ потекло, зачернѣла по снѣжному полю дорога, а потомъ опять заморозило, опять снѣжокъ и стужа, и снова скрипъ подъ санями, какъ на Рождество.

— Что, братцы, подъ лямку?... въ Рыбинскъ?... говорили, встрѣчаясь въ перепадающій теплый денекъ, бурлаки, и утѣшались, что проходятъ послѣдніе срѣтенскіе морозы, при которыхъ зима съ лѣтомъ только встрѣнутся—и пойдетъ тепло да тепло; и ужь поспѣвай у судовъ, да торопись на Волгу на работу. И около Зубцова, около Старицы, Твери, Кашина, и даже по Тверской и Костромской губерніямъ заполошились бурлацкія села. И направляются бурлаки въ Рыбинскъ, съ Рыбинска пойдутъ они, или потащутъ суда, вверхъ по Волгѣ по разнымъ водянымъ путямъ до Петербурга, потянутъ и внизъ до Саратова, до Астрахани, и оттуда обратно въ Рыбинскъ, Нижній, Симбирскъ, Казань, и пройдутъ Волгу за лѣто разъ шесть или восемь.

Поспѣшаютъ бурлаки добраться въ Рыбинскъ до вскрытія Волги и Вазузы. Вазуза «младшая сестра Волги» (какъ зовутъ ее тверитяне и зубцовцы)—почернѣла уже; и вотъ-вотъ въ одинъ

(*) Въ древнѣйшія времена Волга извѣстна была подъ именемъ *Ра*, потомъ ее называли *Атель*, что на языкѣ народовъ финскаго племени значитъ *рѣка*. Слово *Волга* тоже финскаго нарѣчія и значитъ *Святой*.

солнечный денекъ готова покоробиться, разорвать свои зимнія оковы; и старички вѣщаютъ—не сегодня завтра развернуться ей и, отогрѣвая на крылечкахъ свои замерзлыя кости, они только и гуторятъ, что о Вазузѣ да Волгѣ.

— Вазуза (передаютъ они народное повѣрье) хотѣла было сдѣлаться Волгой, да не хватило силъ,—вотъ ей и приказано будить каждогодно Волгу; и Вазуза всегда поэтому вскрывается напередъ, а Волга матушка только заслышитъ—и сама шевелиться пойдетъ...

— «Волга-матушка, кормилица Волга, наше дно золотое», говорятъ старики-тверитяне и радуются не нарадуются, какъ покажетъ она свои воды и запестрѣетъ плотами да барками.

— Ни хлѣба-то у насъ по губерніи, говорятъ они, вдоволь не родится, ни скотинки нѣтъ, ни пастбищъ,—все болото, все—камень да лѣсъ; а тутъ—берега кишатъ народомъ и всѣхъ рѣка кормитъ: кто лѣсъ гонитъ, кто суда строитъ, кто рыбу ловитъ, кто бурлачитъ идетъ, иные на пристаняхъ работаютъ; а тамъ и дальніе руду желѣзную добываютъ, кимряки сапоги на всю Россію шьютъ, осташковцы косы, топоры дѣлаютъ; и всѣ все везутъ на Волгу, все сбываютъ по ней.

И откуда взялась эта сила? говорятъ старики. И одни говорятъ, что она тверская рѣка и началась въ осташковскомъ уѣздѣ; другіе знаютъ, что она проходитъ девять губерній, стоитъ на ней девять губернскихъ городовъ и течетъ она на три тысячи слишкомъ верстъ. Но нашелся бывалый старикъ, прошелъ онъ Волгу изъ конца въ конецъ нѣсколько разъ и видалъ гдѣ начинается она и откуда становится рѣкой.

Говоритъ онъ и старикамъ и молодымъ, что онъ видалъ среди бездонныхъ болотъ въ Осташковскомъ уѣздѣ какой-то рудникъ или четвероугольный колодезь, зовутъ этотъ колодезь окрестные мужики «іорданомъ», и разказываютъ, что стояла у колодца прежде часовня, и шелъ народъ со всѣхъ мѣстъ и излечивался отъ разныхъ недуговъ и болѣзней.

— Волга,—говоритъ старикъ,—пробирается изъ этого колодца ручейкомъ, проходитъ мелкія озера, питается глубочайшими, бездонными болотами и ужь за озеромъ, которое зовутъ *Волго*, она дѣлается рѣкой. Но сперва она точно и не рѣка, берега плоскіе, а вотъ къ Зубцову подымаются они высоко, ста-

новятся какъ горы; а тамъ за Старицей,—продолжалъ старикъ, вспоминая каждый разъ при разсказѣ о Волгѣ всю ее отъ начала до конца,—тамъ за Старицей опять покажутся оба берега плоскихъ, а не то явятся и на томъ и на другомъ холмы; иногда бываетъ берегъ и гористый, но больше все плоскій,—и такъ до Нижняго; а ужь за Нижнимъ лѣвый-то берегъ вплоть до Астрахани все низкій, а правый подымается все выше, круче, и тамъ пойдутъ Жигулинскія горы, далѣе Затонскія, Дѣвичьи, Змѣевы, Ушьи и такъ до Царицына; а оттуда Волга разметалась по степямъ и нѣтъ счета ея устьямъ. Насчитываютъ ихъ до двухсотъ; да вѣрно ли?—кто знаетъ. Весной, какъ сольются они, такъ точно море стоитъ. И каждый годъ мѣняются устья, каждый годъ одно русло занесетъ въ половодье пескомъ, а на другомъ мѣстѣ явится другое.

— И что народу-то разнаго населилось по Волгѣ,—ведетъ старикъ далѣе свой безконечный разсказъ,—черемисы, мордва, татары, нѣмцы-колонисты, калмыки... Въ Астрахани лѣтомъ, или въ Нижнемъ на ярмаркѣ, какъ соберутся со всѣхъ мѣстъ, такъ площади, точно макомъ въ огородѣ, запестрятъ кафтанами да шапками: одинъ въ красной рубахѣ, другой въ пестромъ халатѣ, калмыкъ въ желтой шапкѣ, татаринъ-мулла въ чалмѣ, а бабы-то—счесть обсчитаешься нарядами...

— И что опять разсказовъ-то про нее,—говоритъ старикъ, немного помолчавъ,—что и не вспомнишь всего. До царя-то Грознаго было на ней и царство Казанское, и царство Астраханское; шелъ изъ-за нея на Русь Батый, Мамай; подымалась не разъ татарва, черемиса, мордва непокорная; гуляла по ней вольница безголовая, грабила богатые товары шемахинскіе, бухарскіе, армянскіе и хивинскіе; наѣзжали на Волгу воровскіе казаки ватагами съ Дону и съ Яика, наводили они страху на все поволжье и разбивали высылавшуюся на нихъ царскую силу; разбойничала по Волгѣ и вся бѣглая и бездомная братія; погулялъ вдоволь и атаманъ Стенька Разинъ; поцарствовалъ и Емеля Пугачевъ; и только за Екатериной разсѣялись эти грозныя тучи и стали богатѣть села, да зашумѣли ярмарки и поплыли со всѣхъ концовъ суда съ товарами.

— Родился я на Волгѣ,—доканчивалъ свои воспоминанія старикъ,—бѣдовалъ въ бурлакахъ всю жизнь, ослѣпъ подъ тя-

желой бурлацкой лямкой и не разъ грозила Волга мнѣ смертію. Однажды, лѣтъ десять тому назадъ, наслала она на меня такую смерть что и теперь замираю, какъ вспомню. А все бы опять пошелъ по ней; все бы еще поглядѣлъ, полюбовался на родные ея берега и заурядъ съ бурлаками подъ старость тряхнулъ-бы:

Охъ, матушка Волга,
Широка и долга!
Укачала, уваляла,
У насъ силушки не стало.

— А что, дѣдушка,—говорили старику собравшіяся вокругъ него дѣвушки и дѣти,—разскажи что еще про Волгу, да про бурлацкую жизнь, и про смерть, про какую ты сказывалъ сейчасъ...

— Разскажи, дѣдушка, приставали къ нему дѣти, про города, какіе ты видалъ....

— Разскажи про разбойниковъ, упрашивали другіе...

— Разскажи про Стеньку атамана, слышались голоса,—про татарина, мордву... и конца не было разнымъ запросамъ, и конца затѣмъ не было разохотившемуся дѣдушкѣ. Онъ любилъ помянуть свои давніе годы, и сначала, когда пристанутъ къ нему, отнѣкивается, да только охаетъ да рукой махаетъ, приговаривая: «и горька, горька, дѣтушки, была жизнь;» а потомъ, какъ начнетъ съ своего бурлачества, такъ точно живетъ будто съизнова и говоритъ точно видитъ, точно опять происходитъ, у него все передъ глазами.

— Не перескажешь заразъ,—молвилъ по обыкновенію старикъ,—не вспомнишь... мало-ли что слышалось на вѣку... да и самъ-то видалъ.... двадцать лѣтъ бурлацкую лямку тянулъ и всѣ должности произошелъ: мальчишкой лѣтъ одиннадцати въ бурлаки пошелъ и напередъ *кашеваромъ*, затѣмъ въ *косные* произвели—дали бичеву, вотъ эту веревку, на которой тащутъ бурлаки судно,—дали ее *ссоривать* т. е. сбрасывать, когда она цѣпляется за деревья, или за другое за что. Бывалъ и *шишкой* или дядькой и шелъ впереди, такъ какъ сила была... былъ потомъ *водоливомъ*—хозяйскимъ грузомъ завѣдывалъ и бурлаковъ рядилъ; сдѣлался и *корщикомъ*. Много потерпѣлъ... много произошелъ...

— Разъ вотъ въ эту же пору, еще и Вазуза не трогалась, отправились мы, какъ и всегда, артелью—человѣкъ съ пятокъ на Рыбинскъ. Въ Рыбинскъ и теперь и тогда собирались всѣ

верховые бурлаки со всѣхъ мѣстъ и тамъ нанимались они въ работники и расползались по матушкѣ Волгѣ и внизъ и вверхъ. Пришли мы въ Рыбинскъ, слышали по дорогѣ—судовщики хлопочутъ у судовъ, нанимаютъ работниковъ; бурлаковъ-же на площади и по городу тысячами-тысячъ.

— Стономъ-стонетъ площадь отъ говора и шума и столпились бурлаки кучками по артелямъ и идетъ ряда съ судовщиками и съ ихъ прикащиками. Примкнули сторонкой артелью къ толпѣ и мы. Смотримъ—идетъ на первыхъ же порахъ судовщикъ, такой толстый, въ длиннополомъ кафтанѣ, и рядитъ насъ на *путину* или въ путь за грузомъ въ Царицынъ. Стали торговаться—не сошлись, разсердился онъ и ушелъ. Пождали часокъ; глядимъ—нѣтъ никого, а бурлаки старичане, стоявшіе около насъ, нанялись уже, вытащили имъ хозяева водки, бренчатъ они задатками, дразнятъ насъ поговоркой: «Ты чей молодецъ?»—Зубчевскій купечь.—«А гдѣ былъ?»—Въ Москвѣ по міру ходилъ.—Мы имъ тоже отговаривались: «Старичане пѣтуха съ хлѣбомъ-солью встрѣчали;» а у самихъ-то мутитъ на душѣ: прозѣвали, думаемъ, рядчика, придется по одиночкѣ, куда кому выдастся, разбрестись. Такъ ждемъ да ждемъ, не сходимся съ рядчиками; анъ воротился, глядимъ, судовщикъ, покричалъ, посердился опять, да и поладилъ какъ слѣдъ. Купилъ намъ ведро, выпилъ съ нами чарку, наказалъ на другой день явиться на берегъ, и пошли у насъ пѣсни; а пиръ бурлацкій заливалъ ужь всю площадь.

— Перекликаются бурлаки поговорками; тверитяне дразнятъ ярославцевъ, а ярославцы—тверитянъ; осташковцы кричатъ торжковцамъ: «Новоторы-воры»! и получаютъ въ отвѣтъ: «Ну и осташи-хороши!» Задѣваютъ бурлаки и рыбинскихъ жителей, говорятъ имъ, что они «съ дѣвушки родимое пятнушко смывали и нарочно для этого баню топили;»—зовутъ угличанъ «толоконниками,—толокномъ Волгу, говорятъ, замѣсили»...

— И не перескажешь всѣхъ бурлацкихъ переговоровъ да шутокъ,—замѣчаетъ ухмыляясь старикъ. Помню вотъ—подпили, подгуляли, и подходятъ изъ одной артели къ другой и начинаютъ затрогивать. Подходитъ къ артели, гдѣ много молодыхъ бурлаковъ, также молодой бурлакъ, но изъ другой артели, и говоритъ имъ: «какъ на низъ-то поплывете ребята, такъ не за-

будьте сосками запастись; а то вѣдь ребятишки-то заревутъ,—они, пожалуй, тогда и парусъ-то на соски изрѣжутъ». «Ну, мимо нашего стола—дорога столбова,—отвѣчаютъ ему,—проваливай, нѣча побираться.... держи ушки на макушкѣ»... и пошли перебранки; слово за слово, побранка за побранкой и завязалась драка.... И въ одномъ, въ другомъ мѣстѣ, а потомъ заходила и вся площадь: пошли стѣна на стѣну.... и ни полиція, ни какое начальство, ни что тутъ не мѣшается; а сунется кто, такъ тому не сдобровать...

— Дерутся бурлаки, разшибаютъ себѣ носы да головы, а на другой день дерутъ уже у берега, подпершись руками въ виски, залихватскую пѣсню. «Сизъ голубчикъ дорогой, ужь разстаться мнѣ съ тобой».

— Помню и я грѣшный,—замѣчаетъ старикъ,—хоть и не любилъ пить водки, а тутъ и загулялъ и подрался.

Но на другой день былъ на берегу. Это было на страстной въ понедѣльникъ. Ледъ стоялъ вплоть до страстной и въ понедѣльникъ къ полудню тронулся; но, пройдя сажень двадцать, остановился и простоялъ опять до среды; въ среду же и въ четвергъ трогался по нѣскольку разъ въ день, а въ пятницу повалилъ и совсѣмъ. Вся наша артель и судохозяинъ стояли у расшивы *). Денекъ былъ солнечный, но ледъ двигался страшною силою и у рѣки было вѣтрено и холодно. Съ судовъ были поданы крѣпкія *чалки* или канаты на берегъ, чтобы суда не оторвало и не стащило льдомъ. А судовъ то этихъ по берегу—что лѣсъ дремучій,—и счесть не пересчитать. Тутъ и *расшивы*, что внизъ идутъ, и *мокшаны* съ Оки и Мокши, и верховыя легкія *барки*, *полубарки*, *паромы*, *шитики коломенскіе*, *осланки*, *тихвинки*, *суряки*, *унженки*, *соминки*, да не назовешь всѣхъ. И растянулись онѣ по пристани верстъ на девять и десять.

Какъ пошелъ ледъ,—чалки натянулись на всѣхъ точно струны. Судохозяева ожидали въ трепетѣ, стоя каждый противъ своихъ судовъ, сильнаго натиска. Ледъ шелъ густой, нѣкоторыя суда уже выперло на берегъ. На одномъ чалка вытянулась, однако выдержала; на другомъ чалка, толщиною въ двѣ руки, вытянулась, — но не сдержала и лопнула со свистомъ. Хозяинъ

*) Барка.

ахнулъ и поблѣднѣлъ. Расшиву выпирало на берегъ. Сжатая льдомъ какъ въ тиски, она задрожала, и наконецъ раздался глухой трескъ. Она покачнулась на бокъ и въ туже минуту на ней показалось громадное количество льду, — бокъ у расшивы провалился.

Нашъ хозяинъ послѣ обѣдни пригласилъ священика отслужить молебенъ. Бурлаки приложились ко кресту и стали приготовляться къ отвалу. Ледъ еще шелъ во всю Волгу. Лоцманъ влѣзъ величаво на кресла, — такъ зовется на расшивѣ подвижная каютка, — погладилъ бороду и вскричалъ хриплымъ голосомъ: «отваливай!»

Мы отчалили и принялись отталкивать расшиву отъ берега въ массу льда.

— Молись Богу! крикнулъ лоцманъ. Всѣ сняли шапки и каждый проговорилъ: «Богъ намъ на помочь! съ отваломъ поздравляемъ, хозяинъ!»

Хозяинъ поставилъ водки, самъ выпилъ первую чарку, и поплыли мы со льдомъ, какъ на пароходѣ. Расшиву отнесло на середь Волги. Принялись мы за пѣсни и стоимъ да глядимъ только, какъ проходятъ мимо насъ деревни да города. Повсюду на берегахъ народъ, бабы машутъ платками, судовщики что-то кричатъ—привѣтствуютъ; и тихо стало подъ вечеръ, только ледъ вокругъ шуршитъ, да нѣтъ - нѣтъ треснетъ расшиву и скрипнетъ она то въ одномъ боку, то въ другомъ.

— Смотри,—слышимъ вдругъ кричитъ лоцманъ,—островъ! Глянули,—анъ расшива прямо бѣжитъ на него. Что дѣлать? Мы туды—сюды, хватили багры;—да что тутъ съ баграми подѣлаешь! Стоимъ, смотримъ на островъ, а душа такъ и замерла у каждаго. Но вотъ льдина большущая наскочила на островъ и отперла насъ,—мы такъ и пошли по надъ берегомъ. Соскочили на него, упираемся руками въ расшиву, отталкиваемъ ее,—да ничего не беретъ, точно мухи трудимся и бѣжимъ по о-бокъ. Я позади всѣхъ, и только было оглянулся назадъ, чтобы перевесть духъ да поглядѣть—великъ ли островъ, а бурлаки кричатъ: «садись!» и сами сразу вскочили всѣ въ лодку, что была привязана у расшивы. Я за ними; добѣжалъ до лодки, анъ берегъ то какъ ножемъ отрѣзало. Бросили мнѣ веревку—не добросили, кричатъ, ругаются, машутъ руками; а мнѣ что дѣлать,—

хотѣлъ на льдину вскочить, да нѣтъ ни одной большой у берега, все мелочь идетъ. Что тутъ? пропалъ теперь! думаю себѣ. Стою столбнякомъ, гляжу во слѣдъ расшивѣ, а она точно ужь лодочка зачернѣла въ дали; вижу—подошла къ горѣ и скрылась за ней. Ну такъ и помертвѣли у меня всѣ члены,—нѣтъ спасенія. Кругомъ пусто все, ни на томъ, ни на другомъ берегу ни деревни, ни жилья, и кричи не кричи—не услышитъ и не увидитъ никто.

А ночь наступаетъ, вода подымается все выше и выше, берегъ начинаетъ затоплять. Я выбралъ пригорокъ, усѣлся. Гляжу, а льдины кругомъ двигаются да шумятъ; всматриваюсь въ даль,—не идетъ ли какая расшива изъ Рыбинска,—нѣтъ, чернота кругомъ; мы послѣдніе вышли въ этотъ день изъ Рыбинска.

Настала ночь; небо покрылось тучами. Ну, думаю, когда бъ до утра Господь далъ дожить! А вода все пуще и пуще заволакиваетъ островъ; хотѣлъ сойти со своего пригорка — вода, весь островъ покрыла; слышу, толкутся у ногъ маленькія льдинки, хлещетъ по ногамъ волна, а къ полуночи добралась и до колѣнъ. Прозябъ, ноги подкашиваются, дрожу весь точно въ лихорадкѣ, а льдины такъ и напираютъ на меня, и все ихъ больше да больше, все крупнѣй идутъ; отталкиваясь, упираясь въ нихъ выстаиваю кое какъ, чтобъ не сшибло съ ногъ и не снесло, и вижу по бокъ меня ползетъ громадная льдина. «Николай, мой батюшка святитель! сяду, думаю, что Богъ дастъ». Хватился, разъ—два, а ледъ то хрупокъ—я и оборвался, и опять кое какъ уставился на пригорокъ и такъ стою да стою, борюсь съ льдинами;—и ужь къ первымъ-то пѣтухамъ, сталъ ледъ маленько потише идти; а вода хоть и выше колѣнъ поднялась, но я словно окоченѣлъ въ ней и стою не шевелясь, точно столбъ. Такъ до полудня простоялъ и ужь къ полудню шла съ Рыбинска расшива и взяла меня на нее совсѣмъ что помертвѣлаго. Не забуду, въ жизнь не забуду я этой ночи; всегда она мнѣ мерещится и во снѣ ее иной разъ вижу. Натерпѣлся страху, за всю жизнь натерпѣлся.....

Горька, тяжела бурлацкая доля и много страху навидишься въ ней,—но мнѣ ужь казалось потомъ все ни почемъ. Не боялся я ни бури, когда расшиву нашу разбило и я тонулъ; не стру-

силъ и разбойниковъ, когда напали они въ Жигулинскихъ горахъ; и я точно побратался послѣ этой ночи со смертью и знать смерти не хотѣлъ.

— Какъ же, дѣдушка, попалъ ты опять на свою расшиву? спрашивали старика.

— Много мытарствъ протерпѣлъ, отвѣчалъ охая старикъ. За смертію смерть еще пущая настигла... Насилу откупился... Паспортъ остался у хозяина, а высадили меня за Ярославлемъ,— туда шла и расшива. Дальше ѣхать было не на чемъ. Пошелъ въ станъ—заявилъ о несчастіи, а писарь тамъ и говоритъ: «ты бѣглый». Я такъ и такъ—къ становому; и становой говоритъ: «бѣглый».... Что дѣлать? Выложилъ какія были деньжонки, откупился,—и пошелъ христовымъ именемъ по надъ Волгой изъ села въ село, изъ деревни въ деревню. Всюду праздникъ; народъ пѣсни играетъ. *) Встрѣтилъ нашихъ тверитянъ: ярославцы то, какъ ихъ зовутъ—«красавцы», все по Питеру да по Москвѣ въ прикащикахъ да въ гостинницахъ, а дома то и не живутъ, на лѣто за себя работниковъ нанимаютъ, и нашихъ тверскихъ много по губерніи лѣтомъ работаютъ. Я имъ и говорю: «вотъ, братцы, горе какое». Подумали они, потолковали и сказываютъ: «ничего, какъ нибудь сладимъ,—тутъ бабы исправляютъ начальство». А въ Любимскомъ-то уѣздѣ бабы являются на сходки, бабы же и десятскіе, и выборные. И такъ у нихъ почитай что по всей губерніи. Ростовцы—садовники и огородники; угличане—тѣ колбасники, коптильщики и торговцы съѣстнымъ товаромъ; даниловцы—лавочники, печники и огородники; изъ Рыбинскаго и Мологскаго уѣздовъ—лоцмана, судорабочіе, плотники и столяры; изъ Мышкинскаго—виноторговцы, шорники и горшечники; изъ Романовскаго—овчинники, тулупники и кузнецы; и только одни пошехонцы—домосѣды и занимаются больше по лѣсной части. Оттого-то и говорятъ про нихъ: «Пошехонцы — слѣпороды, въ трехъ соснахъ заблудились и на сосну лазили Москву смотрѣть».

«Уладимъ съ бабьемъ», говорили земляки—тверитяне; да ничего не уладили и чуть чуть опять было не попалъ къ становому. Такъ прошелъ надъ Волгой бурлацкимъ путемъ вплоть до

*) Народъ во многихъ мѣстностяхъ говоритъ «играетъ» вмѣсто „*постъ*.“

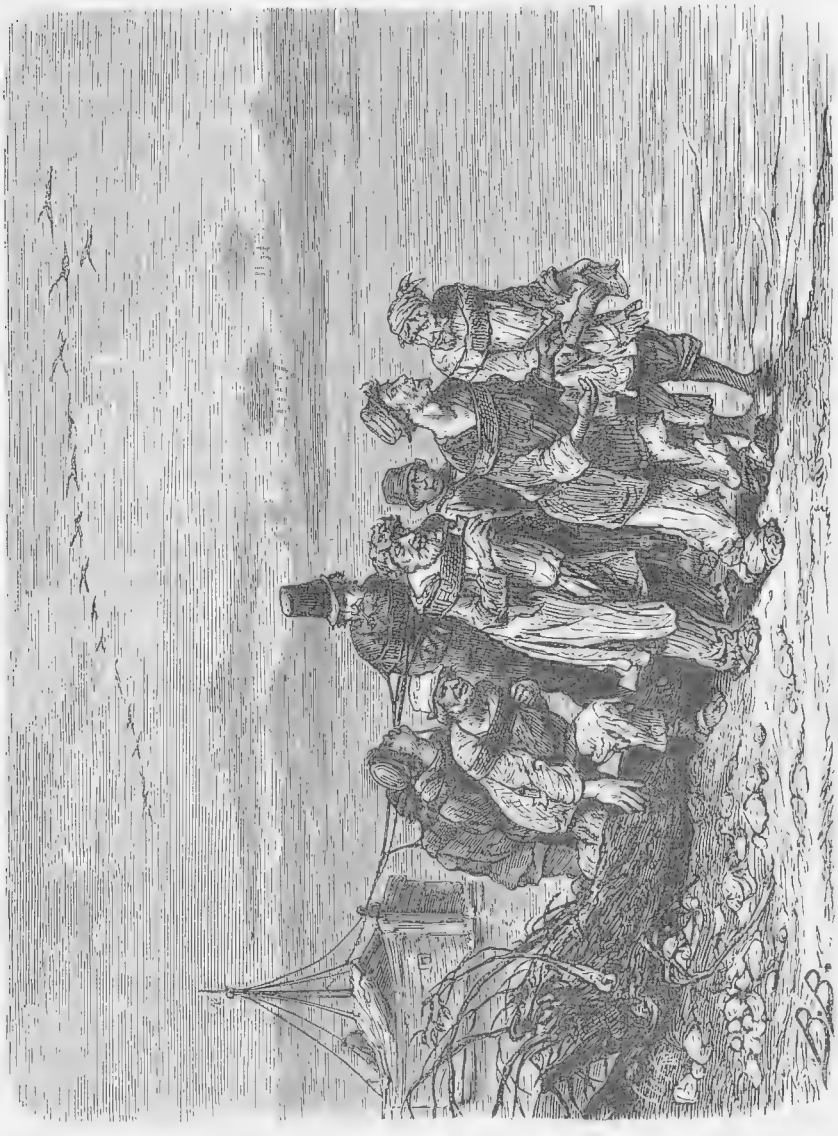
Костромы. Зашелъ за Кострому, да и думаю: не прожить мнѣ и христовымъ именемъ безъ паспорта и не догнать расшивы. Кострома-же, какъ говорятъ, веселая сторона и Костромичи, также какъ и Ярославцы, не сидятъ дома: кто за Кавказъ ушелъ, кто въ Сибирь, кто въ Польшу, кто въ Москву, а галичане—тѣ мастера, плотники и печники; ветлужане—судорабочіе; иные костромичи—шапочники, иные—фабричники. Пригляжу, думаю, гдѣ нибудь лодку, да и съ Богомъ, какъ дѣлаютъ бурлаки, когда имъ возвращаться домой не на чемъ и съ заработковъ ничего не осталось. Сталъ я такъ думать; а тутъ подошла *«красная горка»*: дѣвки на излюбленныхъ холмикахъ у Волги весеннія пѣсни поютъ, хороводы водятъ,—народу вездѣ пропасть,—лодку-то никакъ нельзя приспособить. И вотъ, какъ теперь помню, въ Ѳомино воскресенье,—что въ Костромской губерніи зовется *«радоницею»* (оттого, будто-бы, что родители *радуются*, когда ихъ приходятъ на могилки поминать и христосоваться), въ этотъ день, смотрю—около одного села на кладбищѣ весь народъ. Поминаютъ родителей, женихи съ невѣстами цалуются, выспрашиваютъ у покойныхъ родителей благословенія, кладутъ на могилы яица; угостили, какъ прохожаго, и меня; надавали яицъ, хлѣба; и ужь подъ вечеръ загуляли они, а я все думаю да думаю, какъ бы лодку-то это раздобыть. Сталъ высматривать у берега—нѣтъ ли подходящей; а у самого ноги-то такъ и подламываются. А что дѣлать? Христовымъ именемъ безъ паспорта не пройдешь,—пожалуй еще въ острогъ посадятъ; а въ работу безъ паспорта тоже никуда не принимаютъ; и волей—неволей пришла пора либо топиться, либо грѣхъ на душу взять. Взялъ грѣхъ,—высмотрѣлъ лодку, раздобылъ весла, да и уплылъ въ ночи; только собаки въ деревни залаяли и пьяный мужикъ закричалъ съ берегу: «Богъ на помочь!»...

— И помогъ Богъ... отыскались въ лодкѣ и котелокъ, и рыбацкія снасти чѣмъ рыбу удить, нашлась въ мѣшечкѣ и крупа. Ну, думаю, увидѣлъ Господь мою печаль,—доберусь какъ нибудь до Царицына. Ѣду ночь, ѣду день, а послѣ полудня остановился у одного затона, да и сталъ рыбу ловить. Только къ вечеру слышу изъ за горы бурлацкая пѣсня:

«Ой разъ, ой разъ,
Еще разикъ, еще разъ!

Вгляпись, другъ,
Возьмись вдругъ,
Да и у—ухъ»!...

Упалъ я духомъ, услышавши эту пѣсню: такъ мнѣ стало больно за себя и тяжело; такъ тяжело, что слеза ажъ прошибла.



Вспомнилъ я и нашу расшиву, новенькую, чистенькую; предстала вся артель съ лоцманомъ въ красной рубахѣ и съ хо-

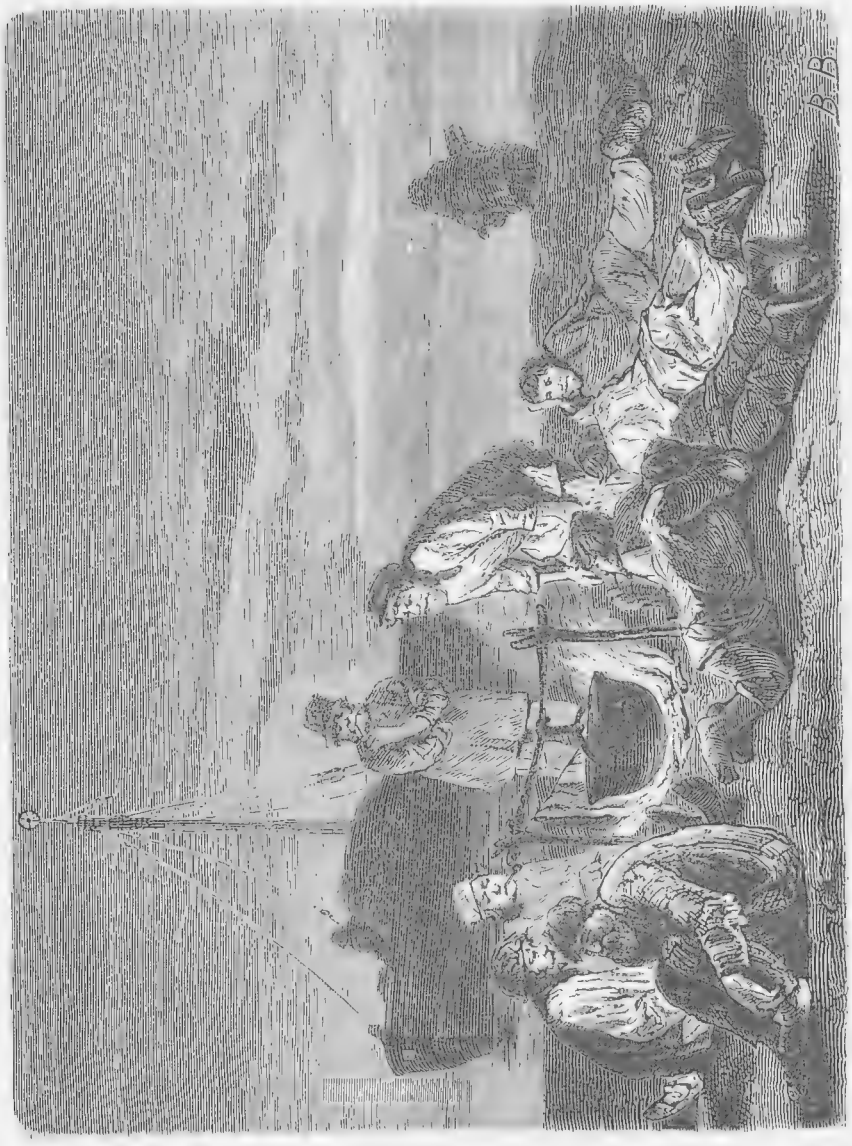
зяпномъ. Думаю: идутъ теперь мои товарищи, работаютъ весело да поютъ пѣсни; и всюду, думаю, люди какъ люди, всюду глядятъ они смѣло на свѣтъ Божій, а я ни за что, ни про что скитаюсь какъ тать ночной; и пропадутъ мои заработки, не заплачу и податей.—Гляжу на гору, изъ за которой раздается пѣсня, а бурлаки выступаютъ въ двѣ шеренги по песчаному берегу, человѣкъ до тридцати, налегаютъ напослѣдокъ передъ отдыхомъ на лямки и, бодря другъ друга разными понуканьями да пѣснями, равномѣрно, шагъ за шагомъ, идутъ постоянно правой и правой ногой, дѣлая маленькій шажокъ и придвигая лѣвую къ правой. Устали, утомились бурлаки,—тяжела ихъ работа, а такъ бы вотъ и бросился къ нимъ и потянулъ бы за всѣхъ. Слышу—прервали пѣсню, остановились и затянули шагъ за шагомъ: «сѣно—солома! сѣно—солома! сѣно—солома»! Это задремалъ, стало быть, бурлакъ и сбился съ ноги.

Но вотъ бурлаки подходятъ ко мнѣ ближе и ближе, и ужь темнѣетъ,—пора на отдыхъ, пора варить и кашу. Остановились. Подъѣхалъ я къ нимъ съ лодкой. Спрашиваютъ: «какой ты будешь?» Говорю: «села Васильевскаго». «Рыбакъ»?—«Рыбакъ», говорю. «А не похожъ что-то, точно нашъ братъ» замѣтили нѣкоторые. «Много рыбы?» спросилъ съѣхавшій съ расшивы лоцманъ. «Нѣтъ, мало совсѣмъ; къ утру собрался—отвѣчаю—а теперь только приманивалъ».

Разложили костеръ, стали варить кашу, солонину; разлеглись, разсѣлись бурлаки вокругъ костра. Сварилъ и я себѣ въ котелкѣ рыбу съ кашей; да попался-то одинъ окунекъ, жирный, большой, — угостилъ я имъ лоцмана, угостилъ и вожатаго бурлаковъ, шишку; попотчивали за это и они меня солониной, и пошли у насъ разговоры да разспросы,—кто гдѣ бывалъ, что видалъ, и не было конца поговоркамъ и шуткамъ, и бурлацкимъ исторіямъ и разсказамъ. Одинъ начнетъ, другой за нимъ, а остальные только подговариваютъ да поддразниваютъ.

Такъ ночь наступила, и только стали было говорить о томъ, что нынѣшней весной въ Нижнемъ разливъ большой, а лоцманъ-то и объявляетъ бурлакамъ: «А слышали-ль братцы, какъ рыбинскій-то бурлакъ понѣ весной погибъ?»... И началъ разсказывать лоцманъ обо мнѣ, и до того разсказалъ хорошо, что бурлаки

подшутили было сначала надъ тѣмъ, какъ остался я на островѣ точно заяцъ, а потомъ стали и жалѣть.



— А что, братцы, если мы найдемъ теперь его тамъ? сказалъ бурлакъ изъ солдатъ.

— Ну.... ишь опомнилась, солдатская голова... заговорили

бурлаки;—недѣля-то прошла, а онъ неѣвши будетъ все ждать тебя тамъ....

— Унъ мугъ и Волга переплыстъ, замѣтилъ принанятый на дорогѣ въ подмогу бурлакамъ татаринъ....

— Ухъ... бараньи-то твои мозги! отозвались всѣ разомъ;— такъ онъ тебѣ и «мугъ Волга переплыстъ», когда ледъ-то шелъ,— смѣялись бурлаки надъ татариномъ, котораго такъ же не любили, какъ не любятъ ихъ и вездѣ въ бурлацкихъ артеляхъ.

— Вѣрнѣй, что на расшиву какую-нибудь попалъ и догоняетъ теперь своихъ,—предположилъ одинъ изъ бурлаковъ.

— А по мнѣ вѣрнѣй,—замѣтилъ другой,—что затопило его въ туже ночь и понесло «внизъ да по матушкѣ».

— Ну, ишь ты, такъ вотъ и затопитъ сейчасъ бурлака, — замѣтилъ молодецкій лоцманъ,—онъ, можетъ, на льдиночкѣ какъ на лодочкѣ...

— Это-то вотъ, почитай, что такъ и было,—сразу поддакнули всѣ бурлаки, и одинъ сталъ уже разсказывать, какъ онъ спасался на льдинѣ; но тутъ я не выдержалъ и объявилъ, что бурлакъ, оставшійся на островѣ, это я самый и есть.

— Какъ ты?... брешешь!... ты рыбакъ,.... загалдили съ перваго разу бурлаки, видя при мнѣ и рыбацкія снасти, и лодку. Я имъ разсказалъ обо всемъ какъ и что со мной было, и на другой день, давши мнѣ хлѣба и соли, лоцманъ сказалъ только: «ну, теперь смотри не попадайся властямъ да догоняй пошибче своихъ, а то пожалуй они далеко ужь уплыли».

На другой день съ ранняго утра подулъ вѣтеръ, мнѣ попутный, и я старался сдѣлать изъ своего зипуна парусъ. Расшивѣ же онъ былъ противный, и лоцманъ только сердился и покрикивалъ на бурлаковъ. Бурлаки принимались нѣсколько разъ за лямки, налегали на нихъ что силъ; но вѣтеръ крѣпчалъ, судно теченіемъ подвигалось назадъ, и лоцманъ, бросивъ якорь, крикнулъ бурлаковъ на расшиву. Пока я ладилъ свой парусъ началась на расшивѣ и *завозня*. Одни бурлаки на лодочкѣ завезли якорь съ канатами впередъ, а другіе, надѣвъ на себя лямки, прикрѣпленныя къ другому концу этого каната, потянули канатъ съ одного конца расшивы на другой, и расшива двинулась. Лоцманъ крикнулъ: «веселѣе, братцы!» и грянула разомъ бурлацкая пѣсня:

Вотъ пошелъ, такп пошелъ!
Онъ пошелъ да и пошелъ!
Онъ и ходомъ, ходомъ, ходомъ,
Ходомъ на ходу пошелъ!

Разыгралось тогда мое сердце; не выдержалъ я и, схватившись за весла, налегъ на нихъ и что было мочи гаркнулъ за бурлаками:

Онъ пошелъ, да и пошелъ!
Онъ и ходомъ, ходомъ, ходомъ,
Ходомъ на ходу пошелъ!

Лодка быстро понеслась, и не успѣлъ я опомниться, какъ расшива скрылась изъ глазъ, и я опять остался одинъ и опять задумался. «Догоню-ли, думалъ, свою расшиву или нѣтъ»? И, признаюсь, сокрушила меня въ тотъ часъ совсѣмъ моя доля, сокрушила такъ, что радъ утонуть бы былъ; и день другой не отходила отъ меня такая тоска, что не зналъ я какъ мнѣ и быть съ собой. А какъ быть? Одинъ исходъ—расшиву догнать... И плылъ день и ночь, не зналъ чѣмъ ужь и прокормиться, какъ въ концѣ Костромской губерніи, въ Ветлужскомъ уѣздѣ, на устьяхъ Ветлуги, послалъ мнѣ Господь добрыхъ людей и помогли они мнѣ въ моемъ горѣ. Лѣса тамъ на Ветлугѣ непроходимые и живутъ тамъ промышленники—мочальники да судовщики. Лѣса эти идутъ отъ самой Унжи и вплоть до Камы. Дѣлаютъ въ нихъ мочалу, рогожу, кули, лапоть, липовыя доски для иконъ, чашки; но больше все мочалу, лубъ али лубокъ, и разныя суда, отчего и зовутся промышленники *мочальниками* да *судовщиками*. Въ маѣ и въ іюнѣ, когда сокъ идетъ въ дерево и свободнѣе отъ него отдѣляется лубъ, всѣ села и деревни въ Ветлужскомъ уѣздѣ пустѣютъ, и мочальники, забирая женъ и дѣтей, отправляются въ лѣса. Тамъ встрѣтилъ я одну пустую *починку*,—это называется у нихъ селище менѣе чѣмъ въ пять дворовъ. Сошелъ я у этой починки на берегъ и дай, думаю, попрошу хлѣба. Подошелъ къ избамъ,—нѣтъ никого; постоялъ, постоялъ,—вдругъ вижу вышелъ изъ одной избы сѣдой, пресѣдой старикъ. Попросилъ я у него хлѣба; онъ зорко посмотрѣлъ да и спрашиваетъ: «а ты не злой человѣкъ?» Вижу—добрый старикъ; взялъ да и разсказалъ ему все какъ было. Вошли въ избу. Въ избѣ гляжу сидитъ за станкомъ старуха и дѣлаетъ рогожу; возятся на полу ребятишки, и видно, что зажиточный старикъ, и изба что пол-

ная чаша. Велѣлъ дать мнѣ поѣсть, а самъ усѣлся на лавку и принялся ковырять лапоть. Ковыряетъ лапоть и все поглядываетъ на меня да выспрашиваетъ: какъ я нанялся, изъ какой деревни, гдѣ мой паспортъ, какъ я лодку досталъ... Я ему по истинной правдѣ, какъ передъ священникомъ, такъ все и сказывалъ. Смотрю: мотаетъ старикъ головой, а самъ межъ тѣмъ приговариваетъ старухѣ: подлей, подлей ему щецъ да дай каши. Старуха тоже охаетъ и жалѣетъ меня и пообѣщала уже дать мнѣ рогожи для паруса; крупы, хлѣба посулила. Ну, отлегло тутъ у меня отъ сердца, пріободрился я,—точно въ родимый домъ попалъ, и сталъ я разсказывать съ стариками о ихъ промыслѣ и объ ихъ сторонѣ. А старикъ весь вѣкъ въ лѣсахъ прожилъ и бывалъ и въ Вятской губерніи, и въ Казанской, и въ Нижегородской, въ Симбирской, въ Пензенской,—вездѣ гдѣ стоятъ дремучіе лѣса и гдѣ живутъ лѣсные промышленники. Натерпѣлся въ свою жизнь много онъ горя и наговорилъ мнѣ про лѣса такихъ чудесъ, что и по всей Волгѣ я ничего такого не слыхалъ. Разскажу вамъ когда нибудь послѣ; я и самъ потомъ живалъ въ этихъ лѣсахъ и видалъ многое. Говорилъ мнѣ старикъ и про татарина, про черемиса, мордву, живалъ онъ и съ ними; и многому чему онъ меня въ этотъ день научилъ; и вѣчная память старику, помогъ онъ мнѣ въ эту горькую минуту какъ отецъ родной.

Поѣлъ я у него, отдохнулъ, и далъ онъ мнѣ на дорогу и крупъ и хлѣба; далъ мнѣ и денегъ. Переночевавши, утромъ на другой день заправилъ я парусъ; приправилъ старикъ мнѣ мачту, благословилъ и сказалъ: «съ Богомъ! будешь мимо идти—заходи».

Такъ пошелъ я подъ парусомъ и подъ веслами, и опять день и ночь; и ужь неподалеку отъ Царицына вижу—стала расшива на мель. Кричитъ лоцманъ на бурлаковъ, а тѣ перетаскиваютъ на якорѣ завозню и запѣваютъ унылую пѣсню:

Ой разъ, ой разъ,
Еще разикъ, еще разъ!

Подъѣзжаю ближе, вглядываюсь; вглядываюсь попристальнѣе,—кажись, на видъ наша расшива. Лоцманъ такой-же щеголь, какъ и нашъ, въ красной рубахѣ и также все громко кричитъ на всю расшиву: «Пошелъ, батюшки, пошелъ!!... пошелъ хо-

домъ!! пой ребята, пой веселѣй!» Гляжу—завозятъ якорь съ расшивы и, кажись, наши. Только сталъ я это приближаться, анъ слышу, бурлаки, что везутъ завозню, кричатъ мнѣ: «Антошка, это ты?« Вижу—остановились и глядятъ на меня, и съ расшивы привсталъ и лоцманъ и тоже кричитъ: «Антошка, твоя голова»?...

Я такъ отъ радости и замеръ, руки такъ и опустились—едва откликнулся... Спрашиваютъ меня всѣ: «какъ? что?» Разсказалъ я имъ что было, лоцманъ вынесъ мнѣ водки, и тутъ же сейчасъ надѣлъ я и лямку; мель была большущая, а ужь вечерѣло и скоро приходилось на отдыхъ.

Лоцманъ сидитъ въ своихъ креслахъ, держитъ правило и покрикиваетъ только: «веселѣе, братцы! перейдемъ да и шабашъ; палягъ, кричитъ, Антошка! налягъ съ приходу-то!» А я чуть ужь не за четверыхъ налегаю и ажь одурѣлъ и въ глазахъ помутилось...

«Ну, ребята, ну, пой, пой веселѣе!» подзадориваетъ лоцманъ, а ребята натуживаются что силъ, но расшива ни съ мѣста; и поютъ они:

Не—й—детъ!.. не—й—детъ!..
Аа—у...у...у, да—а—а—у—у—ухъ!
Не—й—детъ!... не—й—детъ!...

И такъ мы мучились чуть не до ночи. Лоцманъ все покрикиваетъ, а мы то запоемъ:

Пошла да повела,
Правой лѣвой заступи!

То перемѣнимъ погудку, да и начнемъ:

Сорвали, сорвали́,
Сорвали, да сорвали́.
Ты опять говори,
Что сорва́ли, сорвали́.

У меня чуть ноги не подкосились и чуть не упалъ, такъ я рвался подъ своей лямкой и такъ мнѣ хотѣлось поговорить и поглядѣть на своихъ земляковъ. А земляки натуживаются и ни одинъ ни слова; только кричатъ пѣсню да поглядываютъ изрѣдка на меня. Такъ бились, бились мы, и ужь стемнѣло, какъ расшива сдинулась, и лоцманъ, выйдя на берегъ, далъ всѣмъ водки и сказалъ мнѣ: «Ну, счастливъ ты, Антошка: паспортъ твой у меня; а ужь хозяинъ хотѣлъ было предъявить его, да боялся, что затаскаютъ...» Хозяинъ послѣ того догналъ насъ и

такъ и ахнулъ какъ увидалъ меня. И вправду я и самъ долго не вѣрилъ, что я опять попалъ на свою расшиву и такъ благополучно спасся отъ той гибели, которая нашла на меня той ночью, какъ остался я на островѣ. Тяжела, дѣтки, бурлацкая жизнь; такъ тяжела, что и нѣтъ ея тяжелѣй. Подростете, авось увидите, а авось попытаете и сами.

— А что, дѣдушка, про лѣса-то ты хотѣлъ разсказать, да про татаръ... Разскажи, дѣдушка...

— Разскажу... разскажу, какъ нибудь опосля... усталъ теперь... Будетъ еще время,—разскажу.

Н. Александровъ.

(Продолженіе будетъ).

ПРОГУЛКА ПО КАПСКОЙ ЗЕМЛѢ.

(Продолженіе).

Удовлетворивъ наши голодные желудки, мы отправились къ телѣжкѣ, ловя и разсматривая по пути попадавшихся насѣкомыхъ, которыя поступали затѣмъ въ энтомологическій ящикъ Смита, совершенно довольнаго и примиреннаго съ артистами. Мы нашли нашего благовоннаго негра растянувшимся въ телѣжкѣ и спокойно курящимъ трубку Смита, которую тотъ забылъ приходя за провизіей. Негръ былъ совершенно пьянъ. Онъ досталъ бутылку водки изъ кармановъ телѣжки и выпилъ ее всю безъ зазрѣнія совѣсти. Мы напрасно трясли и толкали его, онъ не шевелился и только смотрѣлъ на насъ съ умильно-идіотской улыбкой. Нечего было дѣлать, мы прислонили его къ спинкѣ телѣжки, я взялъ возжи, и мы снова поѣхали по большой дорогѣ до первой деревни, гдѣ остановились, чтобы накормить лошадей и дать имъ отдохнуть, такъ какъ онѣ хромали и не могли двигаться.

Деревня эта состояла изъ полдюжины плохихъ, полуразрушенныхъ хижинъ, въ которыхъ жило десятка два негровъ различнаго происхожденія: Кафры, Мозамбикцы, Зангвебарцы и нѣсколько Готентотовъ. Эти послѣдніе, я увѣренъ, самые жалкіе представители человѣческаго рода, какъ въ физическомъ, такъ и въ нравственномъ отношеніи. Ихъ желтая морщинистая физіономія, вдавленный лобъ, маленькіе, тусклые, почти незамѣтные глаза, ихъ безформенный носъ, находящійся на одной линіи съ выдающимися скулами, морщинистая и сухая, какъ пергаментъ, шея; ростъ, едва превышающій ростъ карлика, и весь общій видъ

вполнѣ гармонируетъ съ ихъ умственной тупостью. Они ни къ чему не способны и едва находятъ средства къ существованію;

Готентотъ (съ фотографической карточки).

единственное занятіе, которое имъ можно поручить, это стеречь стада или идти передъ запряженными въ телѣгу быками. Да

эта жалкая порода и исчезаетъ совершенно и черезъ нѣсколько лѣтъ останется, можетъ быть, отъ нея только одно имя. Пожалуй изъ послѣдняго представителя сдѣлаютъ чучело для какого нибудь музея, его будутъ хранить какъ рѣдкость, и всякій при первомъ взглядѣ на него спроситъ себя, не обезьянье ли это чучело, испорченное или дурно приготовленное. Передъ одной изъ этихъ хижинъ сидѣла на корточкахъ женщина мозамбикскаго племени. Ея талья была перевязана грязной тряпкой, кусокъ сѣрой холстины, завязанный повыше груди, проходилъ подъ мышки и образовывалъ на спинѣ нѣчто въ родѣ мѣшка, въ которомъ шевелился крошечный, темный какъ шоколадъ, ребенокъ, сидящій верхомъ на спинѣ матери; голова его ничѣмъ не поддерживалась и была закинута назадъ; подобное положеніе часто исколѣчиваетъ эти несчастныя существа и дѣлаетъ ихъ на всю жизнь кривыми и хромыми.

Женщина эта ѣла кактусовую фигу, дурной несочный плодъ, растущій на кактусѣ, называемомъ Варварійской фигой (Cactus opuntia). Вся ея хижина была окружена этими деревьями какъ палисадникомъ. Я часто видалъ этотъ сортъ кактусовъ, но здѣсь я былъ удивленъ ихъ сѣроватымъ цвѣтомъ; я взялся рукой за колючій стебель и сейчасъ же отнялъ ее совершенно красною; я понялъ тогда, что схватился за *кошенилевый* кактусъ, и, чтобы увѣриться въ этомъ, пошелъ спросить Смита.

«Безъ сомнѣнія», отвѣчалъ тотъ; «кошенили очень много въ колоніи, но этотъ источникъ богатства остается совершенно не производительнымъ, такъ какъ рабочія руки здѣсь очень дороги. За сборъ кошенили пришлось бы давать поденную плату, превышающую самый доходъ; хотя если бъ дѣйствительно пожелали заняться этимъ, то можно было бы найти женщинъ и дѣтей, которыя согласились бы работать за болѣе умѣренную цѣну. Но въ настоящее время объ этомъ нимало не заботятся и думаютъ только о возможно лучшей разработкѣ мѣдныхъ, а въ особенности недавно открытыхъ алмазныхъ копей».

«Развѣ кошениль исключительно принадлежитъ Африкѣ»? спросилъ я.

«Нѣтъ, настоящая кошениль (Coccus cacti) принадлежитъ Мексикѣ и сдѣлалась извѣстна въ Европѣ около 1523 года. Есть нѣсколько разновидностей этого насѣкомаго, но это главная; она

даетъ прекрасное красильное вещество *карминъ*. Весь этотъ сѣроватый слой, покрывающій кактусы, ничто иное, какъ самки кошенили, проводящія всю свою жизнь, неподвижно прицѣпившись къ растенію».

— Какимъ же образомъ собираютъ кошениль?

«Ихъ собираютъ, соскабливая тупымъ ножемъ, потомъ умерщвляютъ, опуская въ горячую воду, и высушиваютъ на солнцѣ или въ печкахъ. Послѣ этого они принимаютъ видъ маленькихъ темныхъ, морщинистыхъ зеренъ».

— Я думаю, это родъ маленькихъ пауковъ, неправда ли?

«Нисколько, эти насѣкомыя принадлежатъ къ той же группѣ какъ и травяныя вши, клопы и кобылки; они также кольчатыя и снабжены хоботкомъ; разница только въ томъ, что кошениль драгоцѣнное насѣкомое, такъ какъ безъ нея мы не имѣли бы этихъ прекрасныхъ малиновыхъ и яркокрасныхъ матерій, нѣкоторыхъ лиловыхъ тѣней, кармина, употребляемаго для рисованія, красныхъ чернилъ и т. п.»

Пока Смитъ говорилъ, я сѣлъ на большой черный камень, имѣвшій форму сахарной головы, и похожій видомъ на кусокъ угля; но скоро я съ ужасомъ вскочилъ, сильно укушенный въ нѣсколькихъ мѣстахъ. Я быстро сбросилъ свое платье и стряхнулъ съ него множество громадныхъ муравьевъ, которые вѣроятно хотѣли наказать меня за то, что я сѣлъ на ихъ гнѣздо, потому что этотъ камень былъ ничто иное, какъ гнѣздо *термитовъ* (termes), постройки которыхъ такъ прочны, что экипажъ можетъ проѣхать по нимъ, не разрушивъ ихъ. Я такъ страдалъ отъ ихъ укушенія, что долженъ былъ догнать своихъ товарищей и просить растереть меня масломъ, что Карлъ и исполнилъ съ замѣчательной силой.

«Кстати», сказалъ онъ вдругъ, «ты знаешь, что мы не можемъ ѣхать далѣе; одна изъ нашихъ лошадей околѣваетъ; я не понимаю, какъ въ Веллингтонѣ могли намъ дать такихъ лошадей?»

«Вотъ удовольствіе»! воскликнулъ я, «оставаться здѣсь; но это совсѣмъ не входитъ въ мои разсчеты. Что же говоритъ нашъ благоухающій негръ?»

— Не знаю, онъ спалъ до сихъ поръ; впрочемъ можетъ быть теперь онъ будетъ въ состояніи отвѣчать намъ: у негровъ хмѣль обыкновенно скоро проходитъ.

«Пойдемъ посмотримъ, и, если есть возможность, постараемся уѣхать; попробуемъ по крайней мѣрѣ добраться до такого мѣста, гдѣ можно было бы получить свѣжихъ лошадей».

Мы пошли посмотрѣть лошадей, находившихся, по высокопарному выраженію Жоржа, въ императорской конюшнѣ; т. е. къ двумъ кактусамъ, къ которымъ были привязаны бѣдныя животныя. Одна изъ лошадей лежала на землѣ и, казалось, готова была испустить послѣднее дыханіе. Негръ стоялъ передъ нею съ открытымъ ртомъ и опущенными руками, представляя собой олицетвореніе тупости, доведенной до послѣдней крайности.

— Послушай, Джонъ, сказалъ я ему (въ Капской землѣ всѣ негры называются Джонами; по крайней мѣрѣ, если крикнуть на улицѣ «Джонъ», то всѣ они оборачиваются), что случилось съ твоими лошадьми?

«Мой не понимай, господинъ», отвѣчалъ онъ, «лошадь очень хорошо вчера и хорошо бѣжать».

— Гдѣ онѣ были вчера?

«Онѣ пріѣхать отъ сюда».

— Какъ, онѣ сдѣлали эту большую дорогу?

«Да и передъ-вчера и еще передъ-вчера и еще разъ.

— Въ такомъ случаѣ тутъ нѣтъ ничего удивительнаго; онѣ просто околѣваютъ отъ усталости; который имъ годъ?

«Этотъ двадцать, а тотъ на земля двадцать семь».

— Но если бы тебя самого заставили сдѣлать около полутораста миль къ ряду, когда тебѣ будетъ 60 лѣтъ, я думаю, что ты точно также протянулъ бы ноги?

«О, онѣ привыкъ, господинъ»!

— Да, дѣйствительно, такъ хорошо привыкли, что околѣваютъ отъ этого; бѣдныя животныя!

«Ахъ, господинъ», сказалъ негръ, принимаясь хныкать, «это мой — бѣдный животный; лошади умиралъ, а мой нечего ѣсть».

— А въ особенности нечего пить, не правда-ли?

— Онъ правъ, прибавилъ я, обращаясь къ Карлу,—онъ способенъ скорѣе умереть съ голоду, чѣмъ попробовать приняться за какое нибудь другое ремесло. Что можно для него сдѣлать?

«Слушай», сказалъ Карлъ одурѣвшему негру, «я напишу нѣсколько словъ моему фермеру, ты отправишься въ Капштадтъ и отдашь ему записку. Въ замѣнъ этого онъ дастъ тебѣ пару

лошадей, которыя мнѣ никуда не годятся, но будутъ все таки лучше твоихъ клячъ. Ты знаешь конечно ферму Винбергъ?»

«Да, господинъ; мой часто ходить тамъ воровать маисъ въ садахъ».

— Ну очень благодаренъ тебѣ за это. Постарайся не своровать чего нибудь, пока тамъ будешь.

«Нѣтъ, господинъ, теперь маисъ не поспѣть еще».

— Къ счастью; но когда онъ поспѣетъ, я буду смотрѣть за тобой и если поймаю, то берегись.

«Да, да», проговорилъ негръ съ ужасомъ.

«Однако», сказалъ я, «оставимъ этого несчастнаго и постараемся найти какую нибудь повозку, чтобы продолжать нашъ путь».

— Мы не найдемъ здѣсь лошадей; здѣсь только быки.

«Ну, въ такомъ случаѣ», воскликнулъ я, «поѣдемъ на быкахъ! Тогда мы можемъ по крайней мѣрѣ совсѣмъ оставить эту скучную большую дорогу и будемъ имѣть время искать насѣкомыхъ для Смита».

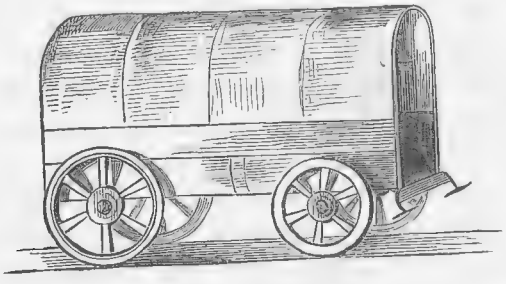
«Слушайте, господа», сказалъ Карлъ, «такъ какъ до сихъ поръ вы предоставляли мнѣ распоряжаться нашимъ маршрутомъ, то я предлагаю ѣхать къ *горячимъ источникамъ*, находящимся не особенно далеко отсюда, потомъ, перемѣнивъ направленіе и держась берега моря, отправиться домой черезъ Симонстоунъ (Simonstown)».

«Браво»! воскликнулъ Жоржъ, «я очень радъ ѣхать по берегу моря; но однако при первой возможности мы возьмемъ лошадей».

«Предложеніе принято единогласно!» сказалъ Смитъ; «лошадей мы можемъ найти въ Симонстоунѣ, а пока отправимся на поиски за быками и какой нибудь телѣжкой».

И мы пошли изъ хижины въ хижину, спрашивая быковъ. Взявъ по нѣскольку отъ разныхъ хозяевъ, мы наконецъ составили запряжку въ семь паръ быковъ, затѣмъ наняли довольно удобную телѣжку у одного Кафра, который, сидя на землѣ, неистово бренчалъ на трехструнной гитарѣ, а маленькій негритенокъ, вертясь около него, свисталъ на жестяной дудкѣ, дѣлая при этомъ съ замѣчательной легкостью различные прыжки и скачки. Переложивъ нашу провизію, мы усѣлись какъ могли на деревянныхъ скамейкахъ, прикрѣпленныхъ, какъ въ омнибу-

сахъ, по бокамъ телѣжки, и я принялся разсматривать странное устройство нашего экипажа. Это настоящая дорожная капская телѣжка, правда не удобная, но не лишенная оригинальности. Представьте себѣ очень длинный, узкій кузовъ, по-



ставленный на четыре колеса, безъ малѣйшаго признака рессоръ; верхъ его сдѣланъ изъ гибкихъ деревянныхъ дугъ, покрытыхъ сѣрой холстиной; это подобіе трубы тащится четырнадцатью быками (запряженными попарно), съ громадными рогами, вслѣдствіе чего они идутъ довольно далеко одинъ отъ другаго. На краю телѣжки помѣстился Кафръ, въ старой шляпѣ, разукрашенной разноцвѣтными перьями; въ рукѣ у него былъ огромный бамбуковый кнутъ, которымъ онъ распоряжался очень ловко и доставалъ самыхъ переднихъ, наиболѣе отдаленныхъ отъ него быковъ. Впереди всего этого поѣзда шелъ черный негритенокъ, лѣтъ двѣнадцати, одѣтый въ свою собственную кожу; онъ игралъ на дудкѣ и тянулъ переднюю пару быковъ, таща за привязанный къ ихъ рогамъ ремень; тамъ, гдѣ дорога была тяжела, онъ бѣжалъ передъ ними, поощряя ихъ разными возгласами. Внутри телѣжки—четверо молодыхъ людей, изъ которыхъ одинъ растянулся на днѣ и игралъ съ своей собакой, желавшей непремѣнно лизнуть ему физіономію. Таковъ былъ внѣшній видъ нашего каравана.

Нѣсколько времени я забавлялся разсматриваніемъ нашихъ быковъ, тащившихъ съ большимъ трудомъ и вязшихъ по колѣно въ сухомъ и мягкомъ пескѣ; это скоро заставило меня понять необходимость имѣть быковъ для такихъ трудныхъ дорогъ: лошади скоро устаютъ и часто отказываются идти, тогда какъ быки терпѣливо продолжаютъ путь, до тѣхъ поръ, пока не упадутъ отъ изнеможенія. Фактъ, характеризующій,

между многими другими, антипатію англичанъ къ голланцамъ колоніи, выражается даже тутъ: лучшій въ упряжкѣ быкъ называется всегда *Англіей* (England), а самый слабый *Голландіей* (Holland); удары всегда сыпятся на послѣдняго и онъ отвѣчаетъ за всѣхъ. Нашъ Кафръ поощрялъ животныхъ, говоря съ ними безпрестанно, то упрекая одного, то насмѣшливо хваля другаго и приправляя все это сильными ударами кнута.

«Какая разница между этими черными племенами», замѣтилъ я, «между Мозамбикцами, Кафрами и Зангвебарскими неграми».

— Да, это замѣчательно, сказалъ Карлъ;—но послѣдніе изъ названныхъ вами почти уже не люди; я видѣлъ ихъ вблизи, такъ какъ жилъ нѣсколько времени на Зангвебарскомъ берегу, и могу васъ увѣрить, что они почти во всемъ близко подходятъ къ животнымъ, какъ формою своей головы и челюстей, такъ и своимъ звѣрствомъ и положительнымъ отсутствіемъ нравственной, можно сказать, человѣческой жизни; вы знаете, что я не принадлежу къ числу тѣхъ, которые желаютъ подчиненія чернаго племени бѣлому, тѣмъ не менѣе я понимаю, что если бы видѣли только эту часть чернаго племени, то пришли бы къ положительному убѣжденію, что сама природа желала и установила ихъ нравственное подчиненіе. У нихъ нѣтъ той хитрости, которая обыкновенно является у всѣхъ угнетенныхъ народовъ или личностей; нѣтъ, они просто тупы и возмутительно жестоки. *Занзибаръ*, главный городъ Зангвебара, представляетъ собою значительный центръ торговли и цивилизаціи всего негостепріимнаго берега восточной Африки.

— Но замѣчательно, что начальникъ или государь ихъ—изъ Арабскаго племени, также какъ и вся аристократія; стража принадлежитъ Белуджистанскому племени, а люди, занимающіеся денежными оборотами—Индусскому; послѣдніе играютъ въ Зангвебарѣ ту же роль, что Евреи въ Европѣ: это крупные банкиры и богатые купцы, въ рукахъ которыхъ находится таможня. Негры составляютъ «народъ», смиренныхъ подданныхъ, и глупость ихъ мѣшаетъ имъ выбиться изъ ихъ необезпеченнаго положенія. Что касается ихъ внѣшности, то вы видѣли её: они похожи на обезьяну, но тяжелую, неловкую; черепъ ихъ необыкновенно крѣпокъ; я видѣлъ собственными глазами, какъ Зангвебарскіе

негры разбивали кокосовые орѣхи, раздавливая ихъ между головой и рукой.

«Однако!» воскликнулъ Жоржъ. «Это зависитъ вѣроятно отъ того же физическаго закона, по которому труднѣе разбить пустую бутылку, чѣмъ полную: воздухъ оказываетъ сопротивленіе.»

«Вѣроятно,» продолжалъ Карлъ смѣясь. «Что же касается Кафровъ, то они совершенно другіе; вы уже знаете ихъ открытую физіономію, высокій ростъ и сильное сложеніе; они не только способны къ образованію, но и ихъ природный умъ замѣчательно развитъ; они могутъ быть жестоки и кровожадны, это правда, но они тоже въ состояніи привязываться, и въ такомъ случаѣ бываютъ вѣрны и преданы. Въ самой колоніи мало Кафровъ; они большею частью удалились въ собственно «Кафрскую землю»; это—маленькое пространство, лежащее между Капской и Натальской колоніей, на восточномъ берегу континента. Эти двѣ англійскія колоніи стремятся постоянно къ соединенію и кончатъ конечно тѣмъ, что поглотятъ и уничтожатъ Кафрскую землю (или Кафрарію) и ея жителей.»

— Но развѣ они не стараются защищаться?—спросилъ я.

«Они защищаются какъ черти, благодаря своему великому полководцу, стоящему во главѣ всѣхъ кафрскихъ племенъ, знаменитому Мошешъ (Mochesh), извѣстному войнами, которыя онъ велъ противъ боэровъ (Boeree) или пограничныхъ фермеровъ Капской колоніи. Этотъ старый дикарь, хотя и противодѣйствующій порабощающему вліянію европейской цивилизаціи на его народъ, тѣмъ не менѣе послалъ своихъ сыновей воспитываться въ Англію; и, должно быть, было довольно забавно видѣть, въ послѣднюю войну Кафровъ съ колонистами, этихъ молодыхъ негровъ, одѣтыхъ по европейски, читающихъ англійскіе романы и курящихъ гаванскія сигары, въ палаткѣ своего отца, который въ то же время принималъ предосторожности противъ этой вторгающейся цивилизаціи.»

«Но у нихъ вѣроятно нѣтъ войска, и ихъ немного?» спросилъ я.

«Конечно,» отвѣчалъ Карлъ, «не сегодня завтра они будутъ разбиты; однако ихъ насчитываютъ до 20 тысячъ, и армія ихъ вполнѣ организована; у нихъ есть огнестрѣльное оружіе и кавалерія. Они сопротивляются какъ только могутъ, и Мошешъ—

великій человѣкъ; бывшій императоръ Наполеонъ III не погнушался прислать ему въ подарокъ пару роскошныхъ пистолетовъ при собственноручномъ письмѣ.»

«Вотъ куда бы вамъ нужно было поѣхать, милый мой Луи,» прервалъ Смитъ,—«въ Кафрскую землю; вы бы могли вести тамъ жизнь дикаря, имѣли бы великолѣпныя охоты, на которыхъ ежедневно рисковали бы своей головой, что̀ вполнѣ удовлетворяло бы вашу безпокойную и ищущую сильныхъ ощущеній натуру.»

«На кого охотятся тамъ?»

«Тамъ нѣтъ недостатка въ львахъ, тиграхъ, слонахъ, гипопотамахъ и носорогахъ; часто встрѣчаются также особаго рода буйволы, которыхъ называютъ «*гну*», страусы, различныя породы антилопъ, за которыми охотятся на лошадяхъ.»

«Знаете ли, что вы ужасно соблазняете меня, милый другъ Смитъ?»

«Не сомнѣваюсь въ этомъ,» сказалъ Смитъ, «и вы должны были бы устроиться такъ, чтобы поѣхать на мѣсяцъ въ Кафрскую землю, а пока вы можете доставить себѣ удовольствіе поохотиться за антилопой, не отправляясь такъ далеко, такъ какъ здѣсь ихъ вездѣ много; въ особенности часто попадается милая порода, называемая *прыгающій козелъ* (springbock), бѣдное, невинное животное, единственная защита котораго состоитъ въ способности ощетинивать во время бѣга полоску бѣлой шерсти, покрывающую спинной хребетъ, и перемѣнять такимъ образомъ свой цвѣтъ т. е. изъ бураго дѣлаться бѣлымъ; такъ что охотникъ легко можетъ обмануться и начать преслѣдовать другое животное.»

«Нужно безъ сомнѣнія имѣть при этомъ лошадей, пріученныхъ къ этой охотѣ?»

«Конечно, потому что стрѣлять приходится на всемъ скаку, не обращая вниманія на лошадь. Если удастся застать дичь въ ея норѣ, то сходятъ съ лошади, бросаютъ ей на шею поводья, въ полной увѣренности найти вѣрное животное на томъ же мѣстѣ, хотя бы пришлось воротиться на другой день.»

«Я купилъ недавно пару страусовъ, которыхъ хочу сдѣлать ручными,» сказалъ Карлъ, «мнѣ очень любопытно видѣть, какъ они привыкнутъ къ новой жизни.»

«Я думаю, они очень легко привыкнутъ,» сказалъ я, «по крайней мѣрѣ я видѣлъ нѣсколькихъ страусовъ на фермахъ около Капштадта. Ну, великій профессоръ, такъ какъ мы уже заговорили объ этихъ птицахъ, то разскажите намъ ихъ исторію; вѣдь вы знаете, что я вашъ ученикъ.»

«Если хотите,» отвѣчалъ Смитъ, набивая свою трубку. «Страусъ—птица очень давно извѣстная, такъ какъ мы знаемъ, что мясо ея было запрещено Евреямъ, какъ нечистая пища, и напротивъ очень уважалось Римлянами. Извѣстенъ только одинъ видъ страусовъ, который Греки называли: strutiocamelos или птица—верблюдъ, вслѣдствіе сходства, которое они находили у нея съ верблюдомъ. Страусы живутъ въ Африкѣ и въ нѣкоторыхъ странахъ Азіи. Это самая большая изъ птицъ; но именно вслѣдствіе своего большаго роста она лишена главнаго преимущества птицъ т. е. способности летать.»

«Почему это?» спросилъ я.

Страусъ.

«Вы сейчасъ увидите. Страусъ вѣситъ приблизительно около 80 ф.; какова же должна была бы быть сила въ его крыльяхъ и мускулахъ, чтобы поднять и поддержать на воздухѣ такую тяжелую массу! Къ тому же у него, собственно говоря, вовсе нѣтъ крыльевъ, такъ какъ перья, идущія отъ его плечъ, очень тонки, а бородки ихъ представляютъ длинные, отдѣльные другъ отъ друга усики, не составляющіе общей массы, поэтому не имѣютъ возможность разсѣкать воздухъ и оказывать ему сопротив-

леніе. Замѣчательно, что всѣ перья, покрывающія тѣло страуса, одинаковы; у него нѣтъ разнаго рода перьевъ, нѣтъ пушка, непосредственно покрывающаго кожу, перьевъ болѣе плотныхъ, покрывающихъ пушокъ, и еще болѣе твердыхъ и длинныхъ, служащихъ для движенія. Всѣ перья страуса одного сорта; однимъ словомъ, всѣ они не пригодны для полета. Страусъ вдвойнѣ привязанъ къ землѣ: и своей громадной тяжестью, и строеніемъ своихъ перьевъ; онъ бѣгаетъ по землѣ какъ четвероногія животныя, на которыхъ онъ во многихъ отношеніяхъ похожъ, напр., своими большими жилистыми и мясистыми ногами, снабженными только двумя пальцами и напоминающими ноги верблюда; послѣдній, какъ извѣстно, отличается между всѣми четвероногими странною формою своихъ ногъ; вѣки страуса окаймляются длинными рѣсницами, какъ у человѣка и слона. Да и во многомъ есть сходство, о чемъ я вамъ разскажу, если мы когда нибудь будемъ заниматься его анатоміею.»

«Почему желудокъ страуса вошелъ въ поговорку?» спросилъ Жоржъ, слушавшій съ большимъ интересомъ.

«Потому, что онъ проглатываетъ безъ различія все что попадаетъ ему въ ротъ,» отвѣтилъ Смитъ: «камни, желѣзо, стекло, чтобы то ни было; и это не по обжорству, не по глупости, а по такой же особенности желудка, какая существуетъ и у куръ: этими камнями, вмѣсто зубовъ, перемалывается пища. Твои страусы, Карлъ, очень скоро сдѣлаются ручными и принесутъ тебѣ выгоду; ты вѣдь конечно знаешь, что самыя дорогія перья—тѣ, которыя вырываются у живой птицы; кромѣ того ты можешь себѣ дѣлать чудовищную яичницу изъ яицъ страуса.»

«На сколько страусовыя яйца больше обыкновенныхъ?» спросилъ я.

«Страусовое яйцо вѣситъ три фунта и равняется 25 куринымъ яйцамъ, но вкусъ ихъ не такъ деликатенъ. Страусъ кладетъ свои яйца въ песокъ; тамъ, отъ дѣйствія солнечнаго жара, изъ нихъ вылупляются цыплята. Однако страусъ садится на нихъ на ночь и въ холодное время.»

«Господа ѣдитъ ночь?» спросилъ нашъ кучеръ, любезно улыбаясь и показывая намъ свои блестящіе зубы.

«Нѣтъ», отвѣчалъ Карлъ, «мы хотимъ спать, и такъ какъ мы находимся въ довольно укрытомъ мѣстѣ, то можемъ остано-

виться и устроить свой лагерь, пока еще не совсѣмъ стемнѣло».

Мы вышли изъ телѣжки и поужинали съ большимъ аппетитомъ; потомъ отпрягли своихъ быковъ и, давъ имъ нѣсколько времени попастись, привязали ихъ къ телѣжкѣ, и разложили вокругъ нея большіе огни, чтобы предупредить посѣщеніе какого нибудь дикаго звѣря. Кафръ и его мальчикъ растянулись подъ телѣжкой, а мы помѣстились внутри ея, чтобы избавиться отъ росы, которая здѣсь всегда очень сильна. Послѣ нѣсколькихъ шутливыхъ замѣчаній, три мои товарища захрапѣли. Долгое время я напрасно старался заснуть: я не могъ не смотрѣть на блестѣвшія какъ бріліанты звѣзды и на чистую, ясную луну, освѣщавшую весь ландшафтъ почти дневнымъ свѣтомъ и уничтожавшую все дурное впечатлѣніе, производимое ужаснымъ воемъ шакаловъ, слышнымъ изъ далека. Разъ я улышалъ очень близко отъ насъ рычанье и мнѣ показалось, что какая то тѣнь прошла между кустами; но видя, что Кафръ не спитъ и наблюдаетъ за огнями, я нисколько не безпокоился и скоро заснулъ, побѣжденный усталостью.

Когда я проснулся на другое утро, мои товарищи были уже на ногахъ, быки запряжены и все готово къ отъѣзду.

«Здравствуй, лѣнтяй», сказалъ мнѣ Жоржъ, ударивъ меня по плечу, «кажется, мы любимъ поспать».

«Не больше всѣхъ васъ; но только я смотрѣлъ на звѣзды, пока вы храпѣли».

«Да, да, ты хочешь насъ увѣрить, что не закрывалъ глазъ всю ночь и сентиментально парилъ въ небесахъ. Пойдемъ съ нами пѣшкомъ къ теплымъ источникамъ, куда пріѣдетъ наша телѣга».

Мы перешли черезъ довольно пустынную равнину и очутились вдругъ на прелестномъ мѣстѣ, среди маленькаго лѣса, свѣжаго и душистаго, въ прогалинѣ, гдѣ кипѣли одинъ возлѣ другаго два источника въ басейнахъ, прорытыхъ самой природою, окруженные на всемъ протяженіи бамбуковыми, камедевыми и мимозовыми деревьями, съ легкими и душистыми цвѣтами, по которымъ перепархивали колибри всевозможныхъ цвѣтовъ; ничто не могло бы сравниться свѣжестью съ этимъ ландшафтомъ, освѣщеннымъ лучами солнца, которое таинственно проникало черезъ

нѣжныя листья. Я все ожидалъ, что вотъ выйдетъ изъ воды какая нибудь молодая наяда съ золотистыми волосами и пригласитъ насъ послѣдовать за ней въ глубину водъ; но наконецъ, видя, что она не показывается, я вспомнилъ, что вода не только горяча, но просто кипитъ, и что слѣдовательно, если наяда и жила бы въ ней, то давно бы сварилась; это напомнило мнѣ, что пора оставить это прелестное мѣстечко.

Мы снова заняли наши мѣста въ телѣгѣ и направились къ берегу моря, которое находилось въ десяти миляхъ оттуда. Въ то время, какъ мы огибали подошву хорошенькаго холмика, покрытаго лѣсомъ, мы увидѣли штукъ 60 обезьянъ, величиною въ человѣческій ростъ; онѣ быстро бросились бѣжать, соблюдая однако при этомъ извѣстный порядокъ; я замѣтилъ, что самыя большія были позади всѣхъ и гнали передъ собою молодыхъ, надѣляя ихъ довольно сильными толчками, когда тѣ хотѣли остановиться. Мы выстрѣлили по нимъ; но разстояніе было слишкомъ велико и наши заряды не достигли ихъ. При звукѣ залпа все стадо остановилось и принялось бросать въ насъ каменьями и палками, сопровождая это уморительными гримасами; потомъ онѣ убѣжали въ гору, гдѣ мы потеряли ихъ изъ виду.

«Это бабуины», сказалъ Смитъ, «вы можете узнать ихъ сейчасъ же по ихъ мордѣ тѣлеснаго цвѣта и по ихъ зеленовато-желтой спинѣ».

«Развѣ онѣ всегда ходятъ стадами»? спросилъ я.

«Да, почти всегда; однако иной разъ можно встрѣтить одинокую обезьяну, выгнанную изъ стада за какой нибудь проступокъ».

«Въ самомъ дѣлѣ? Но въ такомъ случаѣ у нихъ есть своего рода законодательство?»

«Конечно; они составляютъ родъ республики, гдѣ всякій обязанъ быть полезенъ другимъ, или ухаживая за маленькими, или доставляя обществу свою часть добычи. Если кто нибудь изъ нихъ не выполнитъ этого закона, или провинится въ чемъ нибудь, онъ сейчасъ же прогоняется и исключается навсегда изъ всякаго общества, такъ какъ ни одно стадо не захочетъ принять его; онъ остается одинъ, съ большимъ трудомъ поддерживаетъ свою жизнь и наконецъ умираетъ отъ голода или печали. Точно также, когда обезьяна состарится, молодые то-

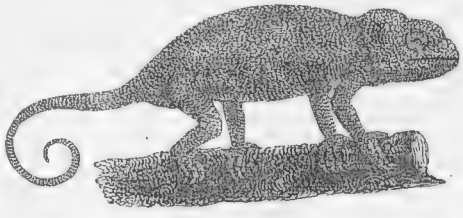
варищи убиваютъ её, по той причинѣ, что зубы ихъ къ старости страшно удлиняются и мѣшаютъ имъ ѣсть; понятно, что они ослабѣваютъ отъ этого и дѣлаются больны, и тоже понятно, что при этомъ они конечно вмѣсто того, чтобы приносить пользу, только обременяютъ общество. За обезьянами иной разъ охотятся на лошадяхъ, съ гончими собаками, выдрессированными для этого. Они вовсе не боятся самаго охотника, но собаки приводятъ ихъ въ ужасъ; это даетъ иногда поводъ къ трагикомическимъ происшествіямъ, какъ случилось разъ съ однимъ моимъ пріятелемъ, во время его погони за обезьяной. Эта послѣдняя, окруженная собаками на близкомъ уже разстояніи и потерявъ голову, вскочила на сѣдло охотника и такъ сильно охватила его руками, что чуть было не задушила; при этомъ каждый разъ, какъ несчастный хотѣлъ повернуть голову въ ея сторону, она надѣляла его сильными пощечинами.

«Обезьяна не глупа», сказалъ Жоржъ; «смѣшная физіономія должна была быть у твоего господина! вотъ бы снять портретъ! Но что дѣлается съ твоей собакой, цыганъ»?

Дѣйствительно, Линда, слѣдовавшая за телѣжкой и сновавшая то вправо, то влѣво, вдругъ остановилась и начала лаять, полушутя—полусерьезно, на что-то ползущее въ травѣ; на что именно—я не могъ разобрать. Я вышелъ изъ телѣжки и поднялъ—*хамелеона*, котораго и принесъ къ Смиту.

«А», сказалъ онъ, «вотъ безвредное существо, которое легко можно сдѣлать ручнымъ».

«Это родъ ящерицы?» спросилъ я.



Хамелеонъ.

«Да, съ тою только разницею, что голова у него кругла, тогда какъ у ящерицы она совершенно плоская; что спина его зубчата, а хвостъ подогнутъ внизъ; движенія его очень медленны, и онъ можетъ оставаться цѣлые мѣсяцы безъ пищи. Капскія дамы позволяютъ ему ползать у себя по плечамъ, и онъ очень полезенъ въ домахъ тѣмъ, что истребляетъ на окопныхъ стеклахъ мухъ и мошекъ».

«А какъ же онъ ловитъ ихъ?»

«Онъ дѣлаетъ это съ большой ловкостью съ помощью своего языка, который почти также длиненъ, какъ все его тѣло, и оканчивается клейкимъ хоботкомъ, свернутымъ у него во рту какъ часовая пружина. О хамелеонѣ разсказываютъ самыя небывалыя сказки: говорили, что онъ произвольно мѣняетъ цвѣта, можетъ принимать цвѣтъ окружающихъ его предметовъ, и т. п. Дѣло въ томъ, что у него есть одинъ присущій ему цвѣтъ, оттѣнокъ котораго мѣняется отъ случайныхъ причинъ. Его обыкновенный цвѣтъ—свѣтло-желтый; на травѣ или на деревѣ онъ дѣлается нѣжно-зеленымъ, а если его взять въ руки, то цвѣтъ его темнѣетъ и на немъ появляются коричнево-розоватыя пятна; если его разсердятъ, онъ дѣлается еще болѣе коричневымъ, почти чернымъ. Время отъ времени, смотря по своимъ впечатлѣніямъ, онъ принимаетъ разные промежуточные оттѣнки; болѣзнь, страхъ и т. п., кажется, также вліяютъ на его цвѣтъ».

«Отъ чего происходитъ такая странная особенность»?

«Не знаю хорошенько; можетъ быть, причина этого явленія заключается въ наполненіи воздухомъ его легкихъ, что заставляетъ кровь сильнѣе приливать къ кожѣ, или, можетъ быть, это происходитъ оттого, что воздухъ просачивается между кожей (которая очень неплотна), и мускулами. Какъ бы то ни было, это—странное существо, надъ которымъ вы можете, если хотите, сдѣлать свои собственныя наблюденія, и кто знаетъ—можетъ быть вы откроете въ немъ особенный музыкальный талантъ; въ такомъ случаѣ я буду брать уроки вмѣстѣ съ нимъ, это будетъ меня подстрекать».

Наши быки, хотя медленно, но подвигались впередъ и, обогнувъ гору, мы вдругъ увидѣли сѣроватое и пѣнящееся море у нашихъ ногъ и бухту Симона (Simon's-bay) съ ея матросскимъ городомъ Симонстоунъ (Simon's-town) и ея маякомъ, стоящимъ довольно далеко въ открытомъ морѣ.

«Вотъ, трубадуръ, что для тебя было бы хорошо», воскликнулъ Жоржъ: «ты бы долженъ былъ искать мѣсто маячнаго сторожа; покрайней мѣрѣ тамъ ты могъ бы предаваться сколько угодно твоимъ мечтамъ, всегда болѣе или менѣе сумасброднымъ, и любоваться звѣздами, луною и всѣмъ небеснымъ сводомъ».

«Очень тебѣ благодаренъ», отвѣчалъ я, «да вѣдь тамъ не-

мудрено умереть со скуки, хотя нѣкоторое время и можно было бы находить въ этомъ извѣстную поэзію».

«Это, кажется, дѣйствительно, вѣрно», сказалъ Карлъ, «такъ какъ мнѣ разсказывали, что теперешній маячный сторожъ, бывшій матросъ, получивъ восьмидневный отпускъ, чтобы съѣхать на берегъ, на другой же день пришелъ со слезами просить позволенія возвратиться на маякъ; онъ такъ скучалъ на берегу, что сдѣлался боленъ. Однако мы въѣзжаемъ въ городъ; я думаю, что намъ слѣдовало бы остановиться только на время завтрака и возвратиться сейчасъ же въ Капштадтъ, съ тѣмъ, чтобы пріѣхать въ эту сторону въ другой разъ къ одному моему пріятелю и нѣсколько времени прожить жизнью боэра».

«Хорошо», сказалъ Смитъ, обращаясь ко мнѣ, «тѣмъ болѣе, что если вы хотите сохранить вашу тигровую кожу, то нужно, чтобы я немедленно принялся за ея выдѣлку, прежде чѣмъ животное начнетъ портиться; войдемъ въ гостинницу, велимъ подать свѣжей рыбы и сейчасъ же вернемся назадъ».

Въ гостинницѣ не было рыбы и въ цѣломъ городѣ нельзя было найти ея. Хозяинъ объяснилъ намъ, что несмотря на множество удобныхъ для рыбной ловли мѣстъ по всему протяженію морскаго берега, рыбу ловятъ только въ тѣхъ случаяхъ, когда она сама отдается въ руки рыбакамъ т. е. выкидывается на песокъ, такъ, что нужно только нагнуться, чтобы собрать ее. Такъ велика лѣность жителей.

«Подождите», сказалъ Карлъ, «я по своему наловлю вамъ рыбы; приливъ еще не великъ, и я знаю притомъ хорошее мѣсто».

Онъ провелъ насъ къ нѣсколькимъ скаламъ, выдающимся въ море; тамъ, снявъ наши сапоги и чулки, мы принялись ловить ракушекъ, приставшихъ къ утесамъ у поверхности воды; мы не безъ труда отдѣляли ихъ, потому что ихъ острая скорлупа рѣзала намъ пальцы. Собака моя недовѣрчиво обнюхивала какую-то массу, лежавшую на камнѣ, которая мнѣ показалась студнемъ я хотѣлъ подойти, но Смитъ закричалъ мнѣ:

«Не трогайте этого».

«Что же это такое?»

«Это медуза, скверное животное, которое причинитъ вамъ ужасный зудъ, если вы дотронетесь до нея; поэтому её и называютъ также морской крапивой; тѣло ея ночью свѣтится

какъ фосфоръ, но, вынутая изъ воды, она обращается въ прозрачную и клейкую жидкость».

«Это гадко», сказалъ я; «возвратимся въ гостинницу, покуда видъ этого отвратительнаго существа не отнялъ у насъ аппетита».

Покуда варили наши ракушки, я собралъ нѣкоторыя свѣдѣнія о городѣ и степени его значенія. Симонсъ-Бэй—морская станція колоніи. Хотя значеніе этой бухты гораздо меньше чѣмъ Столовой бухты, но портъ защищенъ отъ ужаснаго юго-восточнаго вѣтра, и суда здѣсь сравнительно въ безопасности. Здѣсь живетъ адмиралъ и отсюда онъ время отъ времени посылаетъ военный корабль, чтобы осматривать берега и преслѣдовать нѣсколько судовъ, ведущихъ еще торговлю неграми.

Однако онъ не всегда ограничивается однимъ надзоромъ, доказательствомъ чему служитъ одно недавно случившееся происшествіе.

Адмиральскій корабль Валару (Valarous) былъ посланъ на западный берегъ, чтобы завладѣть тремя или четырьмя маленькими островками, покрытыми гуано, дорогимъ навозомъ безчисленнаго количества птицъ, живущихъ на островахъ съ незапамятныхъ временъ. Острова эти принадлежали португальскому правительству, которое поселило на одномъ изъ нихъ нѣсколькихъ лицъ, обязанныхъ собирать гуано. Англійское правительство, никогда не измѣнявшее своему прекрасному обыкновенію захватывать все въ свои руки, нашло нужнымъ, не говоря ни слова, присвоить ихъ себѣ. Вслѣдствіе этого военный корабль бросилъ якорь передъ этими островками, а командиръ сошелъ на землю, въ полной формѣ, въ сопровожденіи своего штаба, и важно прочиталъ отъ имени королевы Викторіи актъ, гласившій о взятіи этихъ острововъ; прочиталъ—пингвинамъ, производителямъ этого самаго гуано, важно сидѣвшимъ въ рядъ въ самомъ глубокомъ сосредоточеніи и изумленіи. Англійскій флагъ былъ водруженъ на островахъ и, разумѣется, никто не протестовалъ.

Этотъ берегъ одинъ изъ самыхъ жалкихъ; на немъ только встрѣчаются рыбачьи постройки, содержимыя нѣсколькими несчастными неграми, изнуренными лишеніями и недостаткомъ прѣсной воды. Ихъ апатія такъ велика, что они часто умираютъ отъ жажды, не желая сходить за водой, находящейся отъ нихъ въ двух-

дневномъ разстояніи. Нѣсколько лошадей (необходимыхъ для перевозки рыбы) питаются только сухими колючими кустарниками, до половины засыпанными пескомъ; а когда и этотъ запасъ истощается, то они часто бываютъ принуждены питаться своимъ собственнымъ навозомъ.

«Какая нищета!» воскликнулъ Жоржъ; «есть же существа, ведущія такую жизнь и умирающія не узнавъ лучшей».

«Ты можешь разсуждать объ этомъ въ дорогѣ», сказалъ его братъ; «вотъ экипажъ и лошади, заказанныя мною. Мы можемъ ѣхать, я разсчитался съ негромъ за быковъ».

Мы усѣлись въ телѣжку, совершенно похожую на ту, въ которой мы ѣхали изъ Веллингтона, но на этотъ разъ запряженную четырьмя сильными лошадьми.

«Почему такая роскошь?» спросилъ я Карла.

«Вы скоро увидите это, когда мы доѣдемъ до песковъ», отвѣтилъ онъ.

Дѣйствительно, черезъ часъ мы въѣхали въ такіе глубокіе пески, что двумъ лошадямъ было бы не подъ силу выбиться изъ нихъ; кромѣ того мы должны были проѣхать черезъ нѣсколько трудныхъ мѣстъ, совершенно пустынныхъ, которыя я никогда не забуду. Представьте себѣ громадныя и широкія ложбины, окаймленныя съ одной стороны горами, съ другой—омываемыя грознымъ волнующимся моремъ, и между горами и моремъ большія массы сѣроватаго песку, нанесенныя почти постояннымъ вѣтромъ, который бѣшено врывается въ лощины. Эти пески представляютъ не только затрудненія, но даже въ нѣкоторыхъ мѣстахъ и чрезвычайно большую опасность, такъ какъ песокъ такъ глубокъ, что не представляетъ никакой прочной точки опоры и непримѣтно раздвигается подъ тяжестью. Это называется *зыбучими песками*. Если кто нибудь не знаетъ эти опасныя мѣста, и по несчастью попадетъ туда, то онъ почти навѣрно увязнетъ и не выберется, такъ какъ онъ будетъ уходить все глубже и глубже; и кончится тѣмъ, что онъ будетъ схороненъ живымъ. Чтобы избѣжать этой опасности, нужно держаться возможно ближе къ водѣ, потому что мокрый песокъ садится плотнѣе почва твердѣетъ, но во время прилива, который былъ когда мы ѣхали, это не обходится безъ нѣкоторыхъ непріятностей; такъ напримѣръ, волны съ силой врывались въ телѣгу и окачивали

насъ съ головы до ногъ, а холодный вѣтеръ, завывая вокругъ насъ, прерывалъ намъ дыханіе и угрожалъ по временамъ опрокинуть всю телѣгу. Небо было сѣро и покрыто темными тучами, а старый остовъ корабля, одиноко разбившагося у остраго утеса, придавалъ картинѣ характеръ неподражаемаго унынія. Каждая волна, набѣгавшая на песокъ съ зловѣщимъ и неровнымъ шумомъ, приносила съ собой какое нибудь морское растеніе и, уходя назадъ, оставляла его на берегу, подобно длинной черной змѣѣ, надъ которой кружились громадные бѣлые *альбатросы*, съ коричневыми полосками на спинѣ, кричавшіе зловѣщимъ голосомъ, похожимъ на ослиный ревъ. У меня замирало сердце, и я былъ очень радъ, когда наши лошади, послѣ громадныхъ усилій, вывезли насъ изъ этого рискованнаго мѣста и мы выѣхали на бѣлую и твердую дорогу, извивавшуюся по берегу моря.

«Ухъ, какое противное мѣсто», сказалъ Жоржъ, постукивая зубами.

«Хороши мы будемъ въѣзжая въ городъ; точно мокрыя собаки. Въ самомъ дѣлѣ, мы похожи теперь на Линдо, съ тою только разницею, что у насъ носы красны, а губы сини».

«Знаете ли», сказалъ я, вытирая себѣ лицо; «здѣсь должно быть отлично ѣхать ночью; я еще возвращусь сюда и, если можно, выберу бурную ночь».

«Вотъ такъ! Страсть рисковать своей головой!» воскликнулъ Смитъ; «во время бури нѣтъ возможности переѣхать эти мѣста: вѣтеръ и вода унесли бы всякаго въ море; это безумство».

«Однако я попробую, потому что это, должно быть, неподражаемая картина».

«Ну, такъ я пойду съ вами», возразилъ Смитъ, вздыхая, «такъ какъ вы на столько безумны, что способны пойти одни; по крайней мѣрѣ, зная хорошо эти мѣста, я могу указать тѣ изъ нихъ, въ которыхъ кое какъ можно укрыться, и помочь вамъ въ случаѣ какого нибудь несчастія. Но если вы захотите возвратиться сюда въ хорошую погоду, то я берусь устроить для васъ славную охоту, при лунномъ свѣтѣ, на лошадяхъ, съ собаками и съ однимъ дротикомъ, вмѣсто всякаго оружія».

«Вотъ это оригинально!» воскликнулъ я, «за какимъ же животнымъ охотятся такимъ образомъ?»

«За гепардомъ (felis jubata). Это родъ тигра, скрывающійся въ скалахъ. Но вамъ еще много нужно видѣть, Луи, и, если хотите, я буду вашимъ провожатымъ. Почему бы намъ не сдѣлать черезъ нѣсколько дней новую экскурсію; подняться напр. вчетверомъ на Столовую гору?

«Отлично», сказалъ я, «я этому очень радъ; а вы что скажете?»

Карлъ и Жоржъ одобрили это предложеніе и мы рѣшили, что черезъ двѣ недѣли мы приведемъ его въ исполненіе. Мы подъѣзжали между тѣмъ къ первымъ предмѣстьямъ Капштадта, и такъ какъ я жилъ въ одномъ изъ нихъ, то и попросилъ моихъ друзей завезти меня домой. Они высадили меня у дверей дома вмѣстѣ съ моей собакой, тигромъ и суркомъ, къ большому удивленію моего лакея, который выбѣжалъ помочь мнѣ выйти изъ телѣги. Мы пожали другъ другу руки и простились, назначивъ мѣсто свиданья для предложенной экскурсіи на Столовую гору, о которой я вамъ разскажу въ слѣдующій разъ, если вамъ моя особа еще не наскучила.

Л. В.

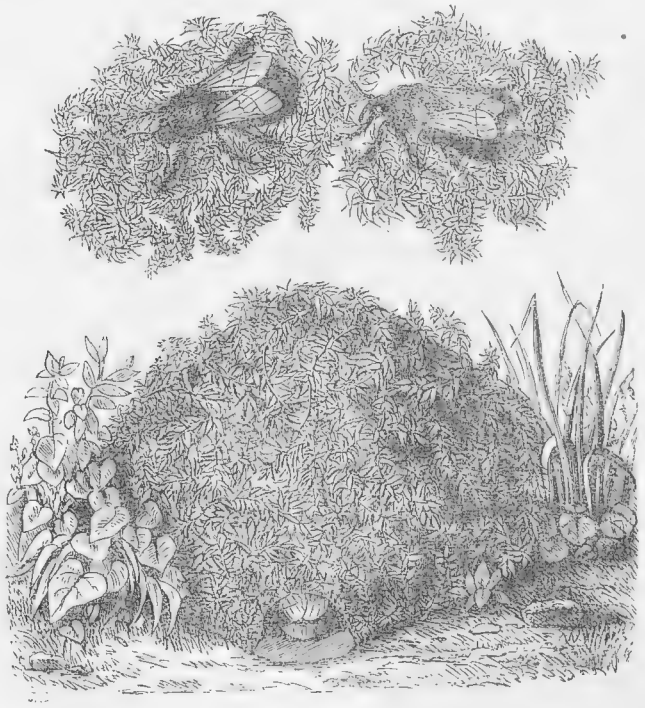
ПЧЕЛЫ.

(Окончаніе).

Я сказала въ предъидущей книжкѣ, что многія насѣкомыя стараются проникнуть въ улей пчелъ, и что ни въ чемъ послѣднія не выказываютъ столько ума, какъ въ борьбѣ съ непріятелями. Непріятелей же у пчелъ не мало и имъ постоянно приходится быть на сторожѣ, чтобы не подвергнуться нападенію, не лишиться своихъ драгоцѣнныхъ запасовъ или даже собственной жизни. Злѣйшіе враги пчелъ—осы, шершни, шмели и муравьи. Такъ какъ шмелей, по незнанію, смѣшиваютъ съ пчелами, то мы и остановимся здѣсь нѣсколько на описаніи ихъ наружнаго вида и образа жизни.

Шмели отличаются отъ пчелъ величиной тѣла и большимъ, широкимъ туловищемъ съ блестящими каемками; у нихъ тоже, какъ и у пчелъ, есть хоботокъ, щеточки и тарелочки на заднихъ ногахъ; слѣдовательно, они тоже снабжены такими орудіями, помощью которыхъ могутъ собирать пыльцу и сокъ цвѣтовъ. Раннею весною, лишь только зацвѣтутъ ивовыя сережки, на нихъ появляется одиночная самка шмеля, собирающая съ сережекъ сокъ и пыльцу. Эта самка одна остается въ живыхъ изъ обитателей колоніи шмелей предъидущаго года и одна начинаетъ строить новое гнѣздо. Пробудившись отъ своего зимняго сна, она вырываетъ подъ землей (иногда на полъ-аршина отъ поверхности) ямку, которая соединяется съ поверхностью по-

средствомъ узенькаго коридора *). Вырывъ такую ямку, она выстилаетъ ее листьями и мохомъ и затѣмъ приступаетъ къ постройкѣ восковыхъ ячеекъ **). Строитъ она ихъ такъ быстро,



Гнѣздо моховаго шмеля.

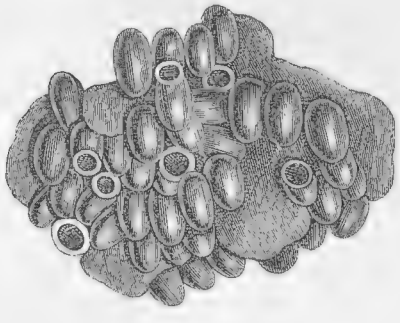
что можетъ сдѣлать одну ячейку, наполнить ее медомъ и пыльцей, и вложить въ нее два яичка менѣе чѣмъ въ полчаса. Такимъ образомъ строится большое число этихъ ячеекъ. Червячки, вылупливающіеся изъ вложенныхъ въ ячейки яичекъ, быстро растутъ, закукливаются въ коконъ и подвергаются обычнымъ превращеніямъ. Рабочіе составляютъ большинство всего населенія и на ихъ долю приходится не мало работы въ продолженіи всего лѣта. Прежде всего они заботятся о томъ, чтобы ухаживать за личинками, сохранять теплоту въ гнѣздѣ и мѣшать водѣ просачиваться въ него.

*) Шмели, большею частію, живутъ подъ землею; но нѣкоторыя породы дѣлаютъ гнѣзда въ стѣнахъ, въ грудахъ камней и т. п.

**) *Моховой шмель* устраиваетъ надъ своимъ гнѣздомъ куполъ изъ мха, смазанный внутри для прочности воскомъ.

Воскъ шмелей не такъ бѣлъ, гибокъ и не такъ легко расплавливается, какъ воскъ пчелъ, и постройки, дѣлаемыя изъ него, далеко не такъ изящны. Но хотя онъ и мягокъ, тягучъ и буроватаго цвѣта, однако какъ нельзя лучше приспособляется къ грубымъ постройкамъ шмелей. Этотъ воскъ, подобно воску пчелъ, тоже вырабатывается въ желудкѣ шмелей и тоже выдѣляется пластинками на наружной части тѣла насѣкомаго. Но въ противоположность царицѣ пчелъ, строительница шмелинаго гнѣзда тоже вырабатываетъ воскъ, и даже въ бо́льшемъ количествѣ, чѣмъ каждый изъ ея рабочихъ.

Внутренность шмелинаго гнѣзда не отличается красотой и правильностью пчелинаго улья. Вмѣсто отвѣсныхъ восковыхъ сотовъ мы видимъ тамъ безпорядочную и грубую массу яйцевидныхъ ячеекъ изъ коричневатаго воска, помѣщенныхъ одна на другой и образующихъ рядъ горизонтальныхъ сотовъ, которые опираются другъ о друга и поддерживаются небольшими восковыми столбиками. Эти яйцевидныя ячейки различной величины; тѣ, которыя въ серединѣ, больше другихъ и крѣпче соединены одна съ другой; каждая группа соединяется съ сосѣдней посредствомъ небольшаго количества воска. Ячейки эти заключаютъ въ себѣ шелковистые коконы, сдѣланные молодыми червячками (личинками); нѣкоторые изъ нихъ закрыты и заключаютъ въ себѣ насѣкомое; другіе же, преимущественно въ нижнихъ сотахъ, открыты, потому что молодые шмели уже вышли изъ нихъ. На поверхности верхняго сота находятся нѣсколько восковыхъ массъ неправильной и кругловатой формы; это—«колыбельныя ячейки», заключающія каждая шесть или семь большихъ личинокъ, лежащихъ тѣсно другъ возлѣ друга на извѣстномъ количествѣ пыльцы и меда, положенныхъ въ ячейку для того, чтобы личинки нашли пищу, лишь только вылупятся изъ яичекъ. Когда положенныя пыльца и медъ съѣдены, то шмели раскрываютъ верхушку ячейки, вкладываютъ въ послѣднюю новый запасъ пищи и снова закупориваютъ её. Случается, что куколки, увеличиваясь постоянно въ ростѣ, разрываютъ ячейку, но тогда



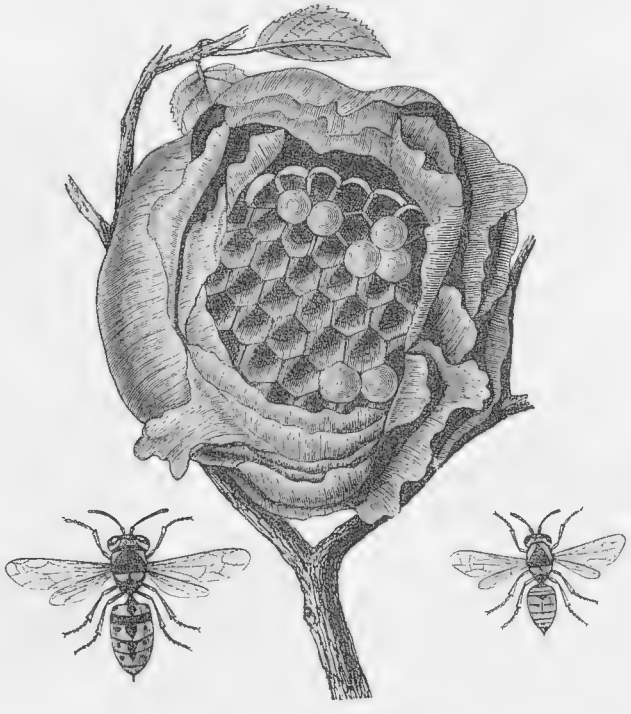
рабочіе тотчасъ же заклеиваютъ трещины воскомъ. Странный фактъ тотъ, что эти насѣкомыя употребляютъ пустые коконы, какъ горшечки для меду, сперва выстилая ихъ воскомъ и затѣмъ скрѣпляя ихъ восковымъ обручемъ, который онѣ наклеиваютъ на края. Въ нѣкоторыхъ гнѣздахъ находятся пятьдесятъ или шестьдесятъ такихъ горшечковъ для меда, въ которыхъ хранится запасъ для ежедневнаго употребленія и которые никогда не заклеиваются, какъ ячейки пчелъ, потому что вся колонія, кромѣ одной самки, вымираетъ при наступленіи холодовъ, а эта самка находится въ оцѣпенѣломъ состояніи въ продолженіе всей зимы, слѣдовательно имъ не нужно дѣлать запасы на продолжительное время. Пробудившись весною, она основываетъ новую колонію и такимъ образомъ продолжаетъ свое поколѣніе. Вотъ главныя черты изъ жизни шмелей, и, какъ видите, въ этихъ чертахъ есть сходство съ жизнью пчелъ; у нихъ тоже есть своего рода царица, свои рабочіе; они тоже вылетаютъ за сборомъ сока и пыльцы, тоже вырабатываютъ медъ и воскъ, только послѣдніе худшаго свойства, чѣмъ медъ и воскъ пчелъ. Да и вообще работы шмелей, какъ вы сами можете заключить по приложенному здѣсь рисунку, далеко не такъ тщательны и правильны, какъ работы пчелъ.

Шмели отличаются очень миролюбивыми нравами и рѣдко, рѣдко употребляютъ въ дѣло жало; но они любятъ таки полакомиться пчелинымъ медомъ и часто забираются въ улей для грабежа. Однако ихъ попытки не всегда бываютъ удачны, и нерѣдко ихъ трупы лежатъ близъ ульевъ.

Болѣе опасные враги пчелъ впрочемъ не шмели, а осы, которыя гораздо смѣлѣе при похищеніи меда изъ ульевъ, чѣмъ шмели; но о нихъ мы разскажемъ въ одномъ изъ слѣдующихъ нумеровъ, такъ какъ жизнь ихъ представляетъ не мало интереснаго. (Рисунокъ осы и ея гнѣзда—на стр. 44).

Вообще пчеламъ требуется много бдительности и осторожности, чтобы охранять себя и свои богатства отъ нападенія враговъ, потому что кромѣ шмелей, осъ, шершней (такъ называемаго «пчелинаго волка», который отличается отъ обыкновенной осы болѣе толстой головой и болѣе крѣпкою грудью) и бабочекъ, онѣ всѣми силами должны избѣгать птицъ. Мы уже видѣли ихъ борьбу со щурками, но побѣда не всегда остается на

ихъ сторонѣ, и онѣ часто дѣлаются добычей дятловъ, синицъ, аистовъ и другихъ.



Осы и ихъ гнѣздо.

Въ предъидущей книжкѣ было довольно говорено о воскѣ пчелъ, о его значеніи въ торговлѣ и о тѣхъ работахъ, которыя пчелы дѣлаютъ изъ этого матеріала; но немного еще было сказано о медѣ, который хотя и не имѣетъ въ настоящее время такого важнаго значенія какъ прежде, когда еще не было сахара, однако все еще играетъ довольно значительную роль. Въ рѣдкихъ странахъ такъ много употребляютъ меда и такъ много занимаются пчеловодствомъ, какъ у насъ въ Россіи; особенно богата медомъ Малороссія, гдѣ чуть ли не у каждаго хуторка устроена *пасѣка* (такъ называется мѣсто, отведенное подъ ульи).

Цвѣты многихъ разнообразныхъ деревьевъ, кустарниковъ и растеній содержатъ въ себѣ медъ, напримѣръ кленъ, ива, лѣсныя орѣшины, дубъ, липа, черника, малина; кромѣ того изъ садовыхъ растеній маленькіе собиратели усердно посѣщаютъ гвоздику, резеду и еще много другихъ цвѣтовъ. Но лучшія садовыя расте-

нія даютъ только небольшое количество меда сравнительно съ тѣмъ количествомъ, которое пчелки находятъ въ полевыхъ растеніяхъ, напр. въ клеверѣ, вероникѣ, мятѣ, земляникѣ и др. Вылетая рано утромъ за добычей, или за *взяткой*, какъ у насъ говорятъ, пчела направляется къ какому нибудь цвѣтку, садится на его вѣнчикъ, выдвигаетъ впередъ хоботокъ, прикладываетъ его къ лепесткамъ; затѣмъ, то вытягивая, то сжимая, то поворачивая, то наклоняя хоботокъ, она слизываетъ и высасываетъ изъ медовиковъ цвѣточный сокъ, который съ помощью же хоботка, подноситъ ко рту, передаетъ черезъ пищепроводный каналъ въ первый медовый желудочекъ, гдѣ сокъ и остается до ея возвращенія домой. Прилетѣвъ въ улей, пчела выливаетъ свой медъ въ ячейки, которыя не только служатъ колыбелью для личинокъ, но и магазинами для склада меда. Но прежде чѣмъ наполнять ячейки медомъ, пчелы сперва кладутъ въ нихъ пыльцу, которую онѣ приносятъ на своихъ тарелочкахъ и оставляютъ въ ячейкахъ; другія пчелы сейчасъ входятъ въ послѣднія, утаптываютъ пыльцу и утверждаютъ ее тамъ. Наполненныя медомъ ячейки закупориваются, или, какъ у насъ говорятъ—*запечатываются* восковыми крышечками, чтобы медъ не могъ испариться и оставался въ жидкомъ состояніи; такимъ образомъ закупоренныя ячейки представляются тогда какъ бы баночками съ варенъемъ. Впрочемъ, закупориваются только ячейки съ запаснымъ медомъ; тѣ же, въ которыхъ лежитъ расхожій медъ, открыты, и рабочія берутъ изъ нихъ медъ по мѣрѣ надобности, особенно въ дождливые дни, когда пчелы не вылетаютъ изъ улья.

Кромѣ меда, пыльцы и узы, пчелы собираютъ еще воду, которая имъ нужна для приготовленія пищевой кашицы. Пчелы собираютъ воду такимъ же образомъ, какъ и цвѣточные соки, но, разумѣется, имъ нѣтъ надобности залетать за водой такъ далеко, какъ это иногда бываетъ необходимо при отыскиваніи цвѣтовъ. Обыкновенно пчелы послѣ дождя садятся на влажные листья или мокрую землю и въ нѣсколько секундъ наполняютъ медовый желудокъ. За то во время засухи имъ трудно доставать воду такимъ путемъ; въ это время онѣ должны отыскивать водяные источники и осторожно садиться на берегу ихъ, чтобы не упасть въ воду и не погибнуть, что, къ сожалѣнію,

часто бываетъ. Поэтому-то хорошіе пчеловоды всегда ставятъ близь улья во время засухи нѣсколько сосудовъ съ водою и бросаютъ въ нихъ солому, кусочки дерева и тому подобные плавающіе предметы, на которые пчелы могли бы садиться.

Часто случается, что пчела не доноситъ свой медъ до улья, а передаетъ его по дорогѣ. Встрѣчая товарища, который нуждается въ пищѣ и не имѣетъ времени отправиться на поиски, пчела останавливается, выпрямляетъ и вытягиваетъ хоботокъ и затѣмъ выпускаетъ медъ. Товарищъ, зная, что это приготовлено для него, подноситъ кончикъ своего хоботка къ ея хоботку и высасываетъ медъ. Часто также рабочая пчела, запасшись медомъ, не останавливается на дорогѣ, а спѣшитъ въ улей и здѣсь предлагаетъ медъ тѣмъ рабочимъ, которые заняты постройкой ячеекъ, какъ бы желая, чтобы мастера не отрывались отъ дѣла и не летѣли бы въ поле за пищею.

Чрезвычайно любопытное явленіе въ жизни пчелъ представляетъ ихъ *роеніе*—такъ называется переселеніе пчелъ изъ одного улья въ другой. Переселяются онѣ не всѣ, но только одна часть пчелъ вылетаетъ подъ предводительствомъ старой царицы и ищетъ себѣ другое помѣщеніе. Каждая такая колонія, отдѣлившаяся отъ своего стараго улья, называется *роемъ*. Причины роній до сихъ поръ еще не вполнѣ извѣстны; одни приписывали это слишкомъ большой тѣснотѣ, другіе—слишкомъ большой теплотѣ; но ни то, ни другое не подтвердилось опытомъ. Можно также предположить, что роеніе пчелъ есть одно изъ средствъ размноженія, данныхъ имъ природой для сохраненія рода. Но однако все это лишь предположенія, и до сихъ поръ можно только утверждать фактъ и указывать на признаки его, а причину пока оставлять безъ объясненія.

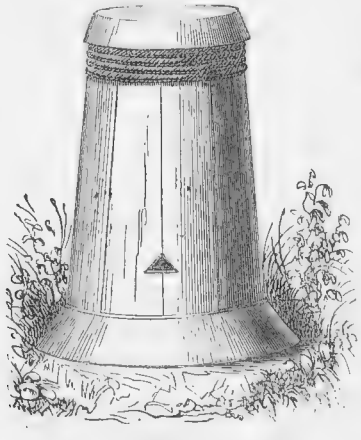
Самымъ вѣрнымъ признакомъ, что рой готовъ вылетѣть изъ улья, служитъ то, что пчелы, не смотря на хорошую погоду, работаютъ менѣе обыкновеннаго; онѣ не часто вылетаютъ на работу, а тѣ, которыя вылетаютъ, приносятъ домой мало воску и меду; кромѣ того, наканунѣ съ вечера и во всю ночь въ такомъ ульѣ слышится особенное жужжаніе, тамъ повидимому все въ волненіи, и если приложить ухо къ стѣнкѣ улья, то слышатся явственные и рѣзкіе звуки, которые какъ бы происходятъ отъ сотрясенія крыльевъ одной пчелы.

Приготавливаясь къ роенію, пчелы увеличиваютъ нѣсколько ячеекъ съ лежащими въ нихъ личинками для того, чтобы въ нихъ развились царицы, и, за нѣсколько дней до совершеннаго развитія послѣднихъ, часть населенія съ шумомъ вылетаетъ изъ улья подъ предводительствомъ старой царицы. Передъ вылетомъ, пчелы запасаются на дорогу медомъ и пыльцей, и лишь только это сдѣлано, онѣ массами вылетаютъ изъ улья и начинаютъ кружиться въ воздухѣ. Черезъ нѣсколько времени нѣкоторыя рабочія пчелы садятся на какой нибудь кустарникъ или дерево, къ нимъ присоединяются другія, затѣмъ и царица съ остальными пчелами; и тогда вся вылетѣвшая колонія принимаетъ видъ клубка или огромной грозди, какъ показано на рисункѣ. Въ такомъ положеніи рой остается нѣсколько часовъ, а порой и цѣлую ночь, пока посланныя на развѣдокъ пчелы не явятся съ извѣстіемъ, что новое жилище найдено. Тогда весь клубокъ разстроивается, пчелы поднимаются вверхъ и направляются быстро сплошной массой въ новое жилище, гдѣ и принимаются за свои работы. Ничего нѣтъ легче для пчеловода какъ загнать пчелъ въ приготовленный для нихъ улей, когда рой виситъ на деревѣ въ видѣ кисти; стоитъ только подойти къ нему, предварительно закрывъ лицо сѣткой, и затѣмъ стряхнуть пчелиную гроздь съ царицей въ подставленный и опрокинутый улей (см. рисунокъ на стр. 48). Улей потомъ переворачиваютъ и ставятъ на мѣсто. Если же этотъ улей служитъ только для переноски роя, то, поднося его къ отверстію другаго, встряхиваютъ; пчелы начинаютъ тревогу и затѣмъ тѣсною колоніею входятъ въ новое жилище.

Но что же дѣлается въ это время въ старомъ ульѣ? Тамъ пока все идетъ мирно. Оставшіяся пчелы продолжаютъ заниматься своими работами, сбирать пыльцу и медъ и ухаживать за ячейками съ личинками. Чрезъ нѣсколько времени въ одной изъ царскихъ ячеекъ молодая царица разовьется на столько, что можетъ выйти изъ своей колыбельки. Разсказываютъ пчеловоды, что молодая царица, до выхода своего изъ ячейки, издаетъ звуки въ родѣ: «ква, ква, ква»; и если затѣмъ на эти звуки нѣтъ отвѣта, то это ей доказываетъ, что въ ульѣ еще нѣтъ царицы; тогда она быстро прокусываетъ крышечку и выходитъ изъ колыбельки. Выйдя, она поспѣшно начинаетъ обѣгать ячейки и пытается уничтожить куколки царскихъ ячеекъ, въ чемъ ей всѣми силами стараются помѣшать рабочія пчелы. Когда царскія куколки совершенно разовьются, то онѣ тоже начинаютъ квакать, на что получаютъ отвѣтъ отъ прежде вышедшей царицы въ родѣ звуковъ: «тютъ, тютъ». Тогда онѣ стараются не оставлять своихъ ячеекъ, пока царица не вылетитъ изъ улья съ роемъ, что бываетъ обыкновенно черезъ день или черезъ два послѣ ея выхода. Лишь только она вылетитъ, царицы спѣшатъ какъ можно скорѣй выйти изъ своихъ колыбелекъ, что однако не всегда всѣмъ одновременно удается, и тогда прежде вышедшая царица даетъ знать тѣми же звуками прочимъ царицамъ о своемъ присутствіи въ ульѣ, и тѣ снова остаются въ своихъ ячейкахъ и продолжаютъ квакать. Бѣда однако, когда двѣ царицы выйдутъ одновременно изъ ячеекъ; одной изъ нихъ не сдобровать: онѣ ожесточенно бросаются другъ на друга и дуэль продолжается до тѣхъ поръ, пока одна не лишится жизни. Ра-

бочія во время этой борьбы находятся въ большомъ смятеніи, прекращаютъ свои работы и успокоиваются только тогда, когда одна изъ царицъ остается побѣдительницей. Всѣ эти затрудненія съ царицами продолжаются до тѣхъ поръ, пока пчелы не перестанутъ роиться (часто роеніе прекращается только тогда, когда изъ стараго улья вылетятъ три или даже четыре роя подъ предводительствомъ своихъ царицъ); тогда всѣ излишнія царицы или изгоняются, или окружаются плотною массою пчелъ и лишенныя, такимъ образомъ, свѣжаго воздуха, задушаются, а въ ульѣ снова начинается прежняя жизнь.

Теперь мнѣ остается сказать вамъ немногое еще объ этихъ умныхъ и интересныхъ насѣкомыхъ, такъ какъ въ главныхъ чертахъ вы познакомились съ ихъ жизнью. Мнѣ остается сказать только о добываніи человѣкомъ ихъ меда, который, разумѣется, онѣ не охотно уступаютъ ему. Поэтому, чтобы овладѣть медовыми сотами раздраженныхъ насѣкомыхъ, надо ихъ самихъ привести въ такое положеніе, чтобы онѣ не могли вредить человѣку. Съ этой цѣлью ихъ подкуриваютъ горящей тряпкой, чтобы ихъ усыпить, и когда замѣтятъ, что пчелы выпрямляются на заднихъ лапкахъ и двигаютъ крыльями, тогда въ ульѣ можно дѣлать что угодно: рѣзать соты, вынимать личинки, выбирать медъ, — пчелы не тронутъ. Заботливые пчеловоды никогда не отнимаютъ у пчелъ всѣхъ сотовъ, а всегда оставляютъ имъ на запасъ; иначе пчелы умрутъ съ голоду.



Улей.

***

КОШЕНИЛЬ.

Приближается лѣто; природа оживляется, каждый изъ читателей ближе становится къ ней: кто перебирается за городъ на лѣтнее жилище, кто просто въ свободные часы чаще гуляетъ въ саду или въ лѣсу, кто наконецъ довольствуется тѣмъ, что обзаведется и поставитъ къ себѣ на окно нѣсколько горшковъ съ цвѣтами.

Горожане запасаются здоровьемъ и силою, сельское населеніе заботится о сборѣ запасовъ, чтобы зиму провести безъ нужды. Что мы будемъ дѣлать? Тоже что и зимою—учиться, но учиться не по книгамъ и тетрадямъ, а въ природѣ будемъ учиться ее наблюдать и понимать. Для этого далеко идти не зачѣмъ. Живете вы въ городѣ, стоитъ въ комнатѣ горшекъ съ плющемъ, олеандромъ или другимъ многолѣтнимъ растеніемъ—обратите вниманіе на листья цвѣтка; живете вы за городомъ — вблизи васъ непремѣнно растетъ ольха, береза. Вы знаете ихъ, но не полагайтесь на ваше знакомство, а внимательно осмотрите двухъ трехгодовалыя вѣтки ихъ. На корѣ ольхи, также какъ и на листѣ плюща вы замѣтите сѣроватыя или буроватыя пятнышки; вглядываясь, вы удивите, что это щитки, вздутые посрединѣ и плотно приставшіе по краямъ къ листу или вѣткѣ, на которой сидятъ. Это не бородавки, это не случайные какіе либо наросты, какіе часто бываютъ на растеніяхъ, когда изъ нихъ отъ какого либо укола насѣкомаго вытекаетъ сокъ и потомъ засыхаетъ—нѣтъ—это животныя и животныя весьма дорогія. Хотите удостовѣриться въ этомъ—возьмите булавку и, подсунувъ ее подъ край такого щитка, снимите его осторожно или переверните низомъ вверхъ; когда внимательно будете вглядываться, вы увидите 6

коротенькихъ ножекъ, увидите усики, увидите хоботокъ, которымъ ваше животное высасываетъ сокъ изъ листьевъ напримѣръ плюща; отъ этого на листѣ дѣлаются желтоватыя вялыя пятна, плющъ отъ нихъ погибаетъ, надо листья часто обмывать или выносить на дождь—котораго наши насѣкомыя очень не любятъ, съеживаются, подбираютъ ножки къ себѣ, и вода ихъ смываетъ. Эти насѣкомыя—произведенія не нашего климата, они пришлецы съ юга Европы и держатся у насъ только въ комнатахъ да въ оранжереяхъ. Вамъ гораздо удобнѣе будетъ наблюдать тѣхъ, что держатся на ольхѣ. Я не хочу сказать вамъ, что вы у нихъ можете видѣть и какъ они живутъ, а желаю только научить васъ, какъ ихъ найти, и научить васъ, какъ на нихъ смотрѣть.

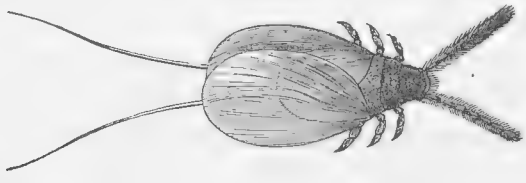
Когда вы на корѣ ольхи найдете малое, кольчатое насѣкомое, покрытое мелкою бѣлою пылью, какъ мукою, едва движущееся, часто съ пучкомъ бѣловатыхъ пушистыхъ волосковъ на концѣ брюшка—тогда значитъ вы нашли то, что нужно; возьмите одно насѣкомое, раздавите его—оно оставитъ красное пятно—это осиновая кошениль. Приступайте къ ея наблюденію. Но что же наблюдать, что же тамъ смотрѣть? Въ отвѣтъ на это я васъ познакомлю съ тою мексиканскою кошенилью, которая употребляется какъ дорогая, отличная ярко-красная краска, долго продававшаяся у насъ подъ именемъ Канцелярскаго сѣмени—пока не узнали, что это есть насѣкомое. Итакъ мой разсказъ будетъ о мексиканской кошенили.

Каждому изъ васъ, вѣроятно приходилось красить яйца къ Пасхѣ, и многіе изъ васъ, можетъ быть, знаютъ, что ничто не окрашиваетъ ихъ въ такой прекрасный ярко-красный цвѣтъ, какъ *кошениль*, которую можно купить въ каждой фруктовой и мелочной лавкѣ. Но, покупая кошениль, вы, можетъ быть, не знали, что эти маленькія сѣроватыя, твердыя зернышки, которыя, размокнувъ въ водѣ, даютъ красную краску, — ничто иное, какъ высохшія насѣкомыя.

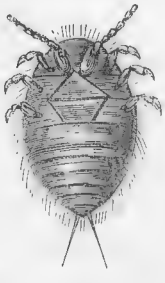
Эти маленькія насѣкомыя чрезвычайно цѣнятся въ торговлѣ, такъ какъ они единственные производители такой великолѣпной красивой краски; производство ея однако не стоитъ имъ такого труда, какъ, напримѣръ, производство меда и воска пчеламъ, потому что окрашивающее вещество кошенили, по всей

вѣроятности, происходитъ отъ сока особеннаго рода кактуса, на которомъ живутъ эти насѣкомыя, и который имъ служитъ пищей. Этотъ кактусъ извѣстенъ подъ названіемъ *кошенильнаго кактуса* (cactus opuntia, cactus nopal).

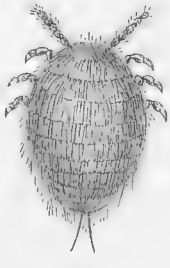
Кошениль—очень маленькое и очень нѣжное насѣкомое, замѣчательная особенность котораго заключается въ различіи внѣшняго вида самца и самки. Первый имѣетъ вытянутое, нѣсколько сплюснутое тѣльце, длинные перистые усики (сяжки) и два большія прозрачныя крыла, которыя длиною превосходятъ брюшко;



Самецъ.



Самка, брюшкомъ кверху.



Самка, спинкою кверху.

(Все въ увеличенномъ видѣ).

самка же, напротивъ, имѣетъ почти совершенно круглое тѣльце, снизу плоское, которое состоитъ изъ десяти колецъ и покрыто сѣроватой пылью; у нея нѣтъ крыльевъ, а усики ея гораздо короче. Все устройство ея туловища и ея короткія ножки указываютъ на то, что самка кошенили обречена вести неподвижную жизнь; и дѣйствительно онѣ крѣпко пристаютъ къ растенію, изъ котораго добываютъ себѣ пищу, сидятъ на немъ въ видѣ бородавочекъ и уже не покидаютъ его. У обоихъ насѣкомыхъ, какъ у самца такъ и у самки, есть хоботокъ, съ помощью котораго они могутъ высасывать сокъ растеній, только у самки этотъ хоботокъ гораздо болѣе развитъ, чѣмъ у самца. Въ началѣ всѣ маленькіе кошенили, какъ самцы такъ и сам-

ки, похожи на крошечныхъ красныхъ черепахъ и усердно занимаются высасываніемъ сока изъ растеній, которыя онѣ прокалываютъ своимъ острымъ хоботкомъ, чѣмъ причиняютъ большой вредъ растенію. Въ продолженіе всего этого дѣятельнаго періода ихъ жизни, насѣкомыя продолжаютъ расти, и затѣмъ наступаетъ время, когда они подвергаются обычному превращенію. Когда это время наступитъ, всѣ насѣкомыя крѣпко пристаютъ къ растенію, на которомъ живутъ, и самцы появляются скоро въ формѣ мухъ, слѣдовательно одаренными способностью перелетать съ растенія на растеніе. Самки же напротивъ только сбрасываютъ свою кожицу и остаются прикрѣпленными къ корѣ растенія, и до такой степени принимаютъ мало-по-малу цвѣтъ этой коры, что ихъ даже трудно отличить отъ нея.

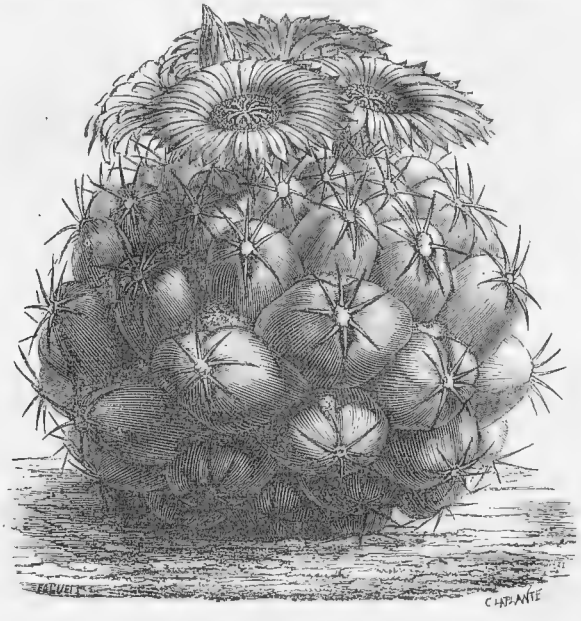
Самка несетъ свои яички очень оригинально: она ихъ не выкладываетъ въ особо устроенныя ячейки, какъ то дѣлаютъ пчелы, или вообще въ какія бы то ни было гнѣздышки, но оставляетъ ихъ внутри своего брюшка, къ нижней части котораго и прикрѣпляются эти яички; но въ тоже самое время она мало-по-малу уменьшается въ объемѣ, брюшко ея высыхаетъ, а кожа коробится и образуетъ родъ скорлупы. Мать тогда умираетъ, но ея тонкій, маленькій скелетъ остается какъ бы кокономъ, колыбелькой для крошечныхъ зародышей. Когда послѣдніе вылупляются изъ яичекъ, они немедленно пробиваются сквозь свою чешуйчатую колыбельку и начинаютъ ревностно высасывать сокъ растенія.

Прежде кошениль разводилась только въ Мексикѣ, откуда вывозилась по весьма высокой цѣнѣ, какъ отличная краска. Благодаря неутомимымъ стараніямъ француза Тьерри де-Менувилль, кошениль стала извѣстна на Вестъ-Индскихъ островахъ. Онъ отправился въ январѣ 1777 года изъ С. Доминго въ Мексику, съ твердымъ намѣреніемъ вывезти оттуда нѣсколько наилучшихъ живыхъ экземпляровъ кошенили, какъ самцевъ такъ и самокъ, и распространить ихъ на французскихъ островахъ Вестъ-Индіи. На это предпріятіе французское правительство отпустило значительную сумму. Вслѣдствіе стѣснительной политики Испанскаго правительства, которое оставляло право вывоза изъ своихъ владѣній только за собой, было чрезвычайно трудно

проникнуть въ округъ кошенили и г. Тьерри долженъ былъ прибѣгнуть къ хитрости.

Прежде всего онъ притворился больнымъ и получилъ позволеніе пользоваться купаньями въ рѣкѣ Магдалинѣ; но вмѣсто того, чтобы ѣхать туда, онъ поспѣшно отправился въ округъ кошенили, гдѣ ему, наконецъ, удалось пріобрѣсти нѣсколько кактусовъ съ кошенилью, какъ лекарство будто-бы противъ подагры. Изъ его отчета объ этой экспедиціи мы имѣемъ слѣдующія свѣдѣнія.

Послѣ многихъ препятствій и опасностей онъ наконецъ достигъ конца своего путешествія и приблизился къ Гуахакѣ. *) Недалеко отъ этого мѣста, въ одной деревнѣ, онъ увидѣлъ въ первый разъ въ своей жизни, и къ своему крайнему удовольствію, кошениль на нопалѣ или кактусѣ, на которомъ она живетъ. Онъ увидѣлъ садъ, засаженный такими кактусами, и, не сомнѣваясь, что на этихъ послѣднихъ находится кошениль, онъ со-



скочилъ съ лошади, подъ тѣмъ предлогомъ, что ему надо подтянуть стремяна, и вмѣстѣ съ тѣмъ началъ разговоръ съ индѣйцемъ, владѣтелемъ сада. Онъ спросилъ его, съ видомъ полнѣйшаго равнодушія, для чего служатъ эти растенія, и ему

*) Здѣсь преимущественно разводилась кошениль.

было отвѣчено, что они необходимы для разведенія *grana* (такъ называется въ Мексикѣ кошениль). Притворяясь удивленнымъ, Менувилль просилъ позволенія посмотрѣть эту *grana*, и онъ дѣйствительно былъ пораженъ, когда ему принесли насѣкомое: онъ полагалъ, что кошениль краснаго цвѣта, тогда какъ въ сущности она была покрыта бѣловатою пылью. «Мои сомнѣнія, говоритъ онъ, были очень мучительны, но я вдругъ придумалъ раздавить одно изъ насѣкомыхъ на кусочкѣ бѣлой бумаги, и что же я увидѣлъ?—самый прекрасный пурпуръ». Съ чувствомъ восторга и надежды онъ направился къ тому мѣсту, гдѣ надѣялся познакомиться съ разведеніемъ этого драгоцѣннаго насѣкомаго и купить для вывоза значительный запасъ его.

Ничто не можетъ быть—говоритъ Менувилль—красивѣе мѣстоположенія Гуахаки, столицы провинціи того же имени. Расположенный среди обширной и плодородной равнины, у подошвы величественныхъ горъ, и орошаемый большой, прекрасной рѣкой, городъ этотъ чрезвычайно богатъ хлѣбомъ и всевозможными фруктами; кромѣ того, его окрестности весьма удобны для разведенія кошенили. Воздухъ, постоянно освѣжаемый утромъ восточными, а вечеромъ западными вѣтрами, такъ же чистъ, какъ воздухъ майскаго утра. Красота природы и видовъ, превосходная почва, прекрасный климатъ и изобиліе европейскихъ и американскихъ фруктовъ, слѣдующихъ одни за другими безъ промежутковъ,—все есть въ Гуахакѣ, чтобы сдѣлать изъ нея очаровательное мѣсто, все, кромѣ дѣятельнаго, промышленнаго народа, который бы воспользовался этими естественными богатствами.

Въ Гуахакѣ Менувилль дѣйствовалъ весьма осторожно и не обнаруживалъ особеннаго любопытства относительно кошенили. Однако онъ запасся ящиками такой величины, чтобы насѣкомыхъ легко можно было уложить въ нихъ вмѣстѣ съ кактусами, на которыхъ они живутъ. Подъ предлогомъ покупки цвѣтовъ, онъ пошелъ въ садъ, гдѣ находилась прекрасная *нопаллерія* (такъ называется мѣсто, усаженное кошенильными кактусами), и пока ему составляли букетъ, онъ воспользовался случаемъ разсмотрѣть кактусы. Они были посажены въ рядъ, на четыре фута разстоянія другъ отъ друга, а самые ряды были расположены на шесть футовъ другъ отъ друга. Нопаллерія принадлежала

одному негру и, по всей вѣроятности, здѣсь можно было сдѣлать желаемую покупку.

Въ другой разъ Менувилль взялъ съ собой двухъ индѣйскихъ служителей, изъ которыхъ каждый несъ по большой корзинѣ, и рано утромъ снова явился въ садъ. Онъ оставилъ своихъ слугъ у входа, а самъ вошелъ одинъ; владѣлецъ негръ только что проснулся, но тотчасъ же пошелъ къ нему на встрѣчу весьма вѣжливо и радушно. Менувилль тогда объявилъ ему, что онъ докторъ и ему очень хочется приготовить мазь своего собственнаго изобрѣтенія для леченія подагры, и что поэтому ему бы хотѣлось купить нѣсколько сучьевъ кактусовъ съ кошенилью, за которые онъ готовъ заплатить столько, сколько отъ него потребуютъ, лишь бы только ему позволили выбрать такіе сучья, которые наиболѣе будутъ пригодны для его цѣли. Индѣецъ охотно согласился, корзинки были внесены въ садъ, и восемь превосходныхъ сучьевъ кактуса, въ два фута вышиной и до такой степени усаженные кошенилью, что казались совершенно бѣлыми, были поспѣшно срѣзаны, сложены въ корзины и покрыты платьемъ. Когда Менувилль спросилъ, сколько же съ него слѣдуетъ, негръ отвѣтилъ, что ему положительно невозможно продать это менѣе чѣмъ за два реала (около 35 коп.); чему нашъ путешественникъ охотно повѣрилъ, такъ какъ онъ купилъ бы ихъ и за гораздо бо̀льшую сумму, если бы то было необходимо. Для того, чтобы негръ не думалъ, что онъ недоволенъ этой цѣной, онъ далъ ему піастръ (1 р. 30 к.), говоря, что у него нѣтъ мелочи и потому онъ даетъ ему больше, чтобы тотъ выпилъ за его здоровье. Добродушный старый негръ теръ себѣ глаза, принимая такую щедрость за сонъ, и затѣмъ началъ осыпать благодарностями Менувилля, который между тѣмъ позвалъ обоихъ индѣйцевъ, далъ имъ нести корзины и торопилъ ихъ какъ можно скорѣе идти домой.

«Сердце мое, говорилъ онъ, сильно билось, потому что мнѣ казалось, что я похитилъ золотое руно, и что за мной погонится яростный драгонъ, оберегатель похищеннаго сокровища. Во всю дорогу я говорилъ себѣ: Наконецъ-то онѣ въ моихъ рукахъ!!! и, право, я охотно бы запѣлъ отъ радости, если бы не боялся, что меня услышатъ. Я пришелъ въ гостинницу, положительно задыхаясь отъ скорой ходьбы, не встрѣтивъ на улицахъ ни еди-

ной души. Солнце только что всходило, такъ что въ домѣ никто еще не вставалъ, поэтому я осторожно проскользнулъ въ свою комнату, гдѣ съ неописаннымъ восторгомъ уложилъ мои кактусы въ нарочно для нихъ заказанные ящики».

Послѣ многихъ опасностей и препятствій, путешественникъ достигъ наконецъ благополучно С. Доминго, но сохранивъ живыми только небольшое количество своихъ насѣкомыхъ. За этимъ небольшимъ числомъ онъ ухаживалъ, и старался размножать ихъ, до тѣхъ поръ, пока не была устроена хорошая нопаллерія.

Онъ узналъ по опыту, что пять или шесть сортовъ кошенилеваго кактуса (Cactus opuntia) могутъ питать кошениль, но что нѣкоторые изъ нихъ гораздо цѣннѣе другихъ. Онъ доказалъ также, что цвѣтъ цвѣтовъ или фруктовъ растенія, будетъ ли этотъ цвѣтъ красный, фіолетовый, желтый или бѣлый,—не имѣетъ никакого вліянія на цвѣтъ кошенили и не показываетъ большую или меньшую способность растенія питать насѣкомое. Колючіе экземпляры были менѣе удобны, вслѣдствіе уколовъ и боли, которую они причиняли рукамъ тѣхъ, кто ухаживалъ за ними, но и въ нѣкоторыхъ изъ нихъ молодыя вѣтки были почти лишены колючекъ.

Названіе *нопаллеріи* для мѣста посадки кошенилеваго кактуса и *нопаля*—для самаго растенія сохранилось между французскими плантаторами кошенили въ память о мексиканскомъ происхожденіи такого разсадника.

Разсадникъ этотъ окружаютъ или стѣной, или изгородью, не изъ страха того, что скотина можетъ съѣсть растеніе, потому что до сихъ поръ еще не замѣтно было, чтобы большіе четвероногіе любили его; но просто чтобы помѣшать послѣднимъ, случайно или отъ испуга, пробраться въ разсадникъ и затоптать и уничтожить кошениль.

Десятины или полторы десятины земли, усаженной кактусами, совершенно достаточно для того, чтобы занять индѣйца въ продолженіи полугода. Растенія должны быть такъ посажены, чтобы совершенно нагрѣваться утреннимъ солнцемъ, что чрезвычайно важно для благосостоянія кошенили. Каждая часть нопаллеріи должна быть въ такой чистотѣ, какъ хорошо содержимый садъ, и каждое вредное насѣкомое должно быть удалено и уничтожено. Одному лишь пауку позволяется растягивать свою паутину, и это потому, что онъ врагъ многихъ насѣ-

комыхъ, вредящихъ кошенили, тогда какъ послѣднихъ онъ не трогаетъ. Нопаль требуетъ хорошей сухой почвы и хорошаго неизмѣнчиваго климата; кромѣ того для нея чрезвычайно важны защита отъ вѣтровъ и жаръ солнечныхъ лучей, иначе ея урожай будетъ очень сомните. енъ.

Въ благопріятной мѣстности кошенилевый кактусъ требуетъ меньше ухода за собой, чѣмъ другія растенія; кажется даже, чѣмъ меньше за нимъ ухаживаютъ, тѣмъ онъ лучше удается. Лишь только почва для разсадника выбрана, очищена и высушена, приступаютъ къ посадкѣ, выбирая для этого сухую погоду какъ разъ передъ весенними дождями.

Намѣчаютъ дорожки такъ, чтобы онѣ образовали квадраты, и затѣмъ проводятъ по этимъ квадратамъ параллельныя борозды, на которыхъ и сажаютъ молодые отростки кактуса на два фута разстоянія другъ отъ друга, тщательно отрѣзавъ ихъ отъ стараго растенія. Восемнадцать мѣсяцевъ спустя, растенія эти могутъ уже доставлять пищу кошенили.

Чтобы перенести кошениль на посаженное для него растеніе, снимаютъ ее рано утромъ со стараго кактуса, переносятъ на молодой, и помѣщаютъ въ особыя маленькія гнѣздышки, прикрѣпляемыя колючками къ листьямъ кактуса. Здѣсь она быстро размножается и притомъ въ невѣроятномъ количествѣ. Нопаллерія процвѣтаетъ въ продолженіи шести лѣтъ, послѣ чего насѣкомыя собираются, а растенія срѣзываются.

Сборъ кошенили производятъ ежегодно, лишь только молодыя насѣкомыя начинаютъ двигаться. Собравъ всѣхъ своихъ друзей, старыхъ и малыхъ, владѣлецъ разсадника кошенили входитъ въ него при наступленіи утра съ толпой мужчинъ, женщинъ и дѣтей, снабженныхъ тупыми ножами, разной посудою и корзинами. Лезвіе ножа закруглено наверху такъ, чтобы оно не могло повредить ни насѣкомому, ни растенію; ножъ вкладывается между кожицею растенія и массой насѣкомыхъ, которыя его покрываютъ, и сгребаютъ ихъ въ подставленныя блюда или корзины. Десятилѣтній ребенокъ можетъ такимъ образомъ собрать въ день десять фунтовъ насѣкомыхъ, которыя, высушенныя, дадутъ три съ половиною фунтовъ кошенили. Собранныхъ насѣкомыхъ обыкновенно морятъ, погружая въ кипятокъ и оставляя въ немъ двѣ или три минуты; воду не выли

ваютъ, такъ какъ она, разумѣется, окрашивается въ красящее вещество, которое потомъ и добываютъ изъ воды; насѣкомыхъ же раскладываютъ на солнцѣ для просушиванія, переворачивая ихъ просто рукой, чтобы они могли просохнуть со всѣхъ сторонъ. Кромѣ того, ихъ сушатъ въ печкѣ или на горячихъ желѣзныхъ листахъ. Десять человѣкъ могутъ такимъ образомъ въ какихъ нибудь два дня приготовить двѣсти фунтовъ кошенили.

Многіе владѣльцы нопаллерій, преимущественно въ Гуахакѣ, имѣютъ очень древній и странный обычай переселять кошениль на время дождей. Подобно испанцамъ, которые переселяютъ свои стада мериносовъ, эти владѣльцы отсылаютъ тоже какъ можно дальше свою кошениль, чтобы избавить ее отъ дождей, которые могли бы нанести ей значительный вредъ. Насѣкомыя кладутся въ корзины и быстро переносятся на спинахъ негровъ на разстояніе девяти миль отъ города, въ мѣсто, болѣе защищенное отъ дождей. Здѣсь они размѣщаются на кактусы и оставляются на нихъ до ноября, затѣмъ снова переносятся въ прежнія нопаллеріи.

Плантація кошенили, обработанная Менувиллемъ, была такъ удачна, что въ 1789 году тамъ въ одной нопаллеріи было болѣе четырехъ тысячъ растеній, и достоинство продукта ихъ, по опредѣленію химиковъ, было равно достоинству мексиканской кошенили. Но въ это время началась французская революція, и политическія волненія на С. Доминго повели за собою также и разореніе плантаціи.

Однако разведеніе кошенили все таки стало распространяться. Ее ввели въ Восточную Индію, на Канарскіе острова, наконецъ, въ послѣднее время, въ Французскія колоніи, Алжирію и Испанію.

Выше было уже сказано, что кошениль чрезвычайно цѣнится въ торговлѣ и что ея красящее вещество доставляетъ намъ тѣ красивые, яркіе цвѣта матеріи, которыхъ бы мы не имѣли безъ помощи этого крошечнаго насѣкомаго; кромѣ того, кошениль цѣнится и въ искусствѣ, такъ какъ она доставляетъ живописцу *карминъ*, цвѣтъ котораго поддѣлать невозможно.

Мы приведемъ здѣсь слова еще одного путешественника въ Мексику о плантаціяхъ кошенили:

«Оставивъ за собой городъ Гватемала, говоритъ онъ, мы вошли въ долину, окруженную горами, подошвы которыхъ были усажены кошенильными кактусами. Черезъ нѣсколько времени

мы завернули въ домъ синьора Видори. Во дворѣ четверо быковъ выдавливали сокъ изъ сахарнаго тростника, а позади двора была кошенильная плантація, одна изъ самыхъ обширныхъ въ этой провинціи. Кошенильный кактусъ, одинъ изъ видовъ семейства кактусовъ, сажается рядами, какъ индѣйская пшеница, и въ то время, когда я тамъ былъ, онъ былъ четыре фута вышиной. На каждомъ отросткѣ былъ прикрѣпленъ колючкой кусочекъ тростника, въ пустотѣ котораго находилось тридцать или сорокъ насѣкомыхъ. Эти насѣкомыя не могутъ двигаться; молодыя, выползшія изъ яичекъ, присасываются къ мѣсту, и разъ, какъ они прикрѣпились, легкій пушокъ собирается на нихъ, а отростки кактуса покрываются плѣсенью и дѣлаются бѣлыми. Къ концу жаркихъ сухихъ дней, нѣкоторые отростки срѣзываются и вѣшаются въ амбарѣ; они предназначаются для посѣва; насѣкомыя же сгребаются, высушиваются и затѣмъ отсылаются для оживленій своими красками роскошныхъ салоновъ цивилизованныхъ городовъ. Сборъ бываетъ значительный, но не всегда вѣрный, такъ какъ ранніе дожди могутъ уничтожить кошениль; и кромѣ того случается, что всѣ рабочіе берутся въ солдаты въ то время, когда они наиболѣе нужны для плантацій. Мѣстоположеніе тамъ очаровательно; у подошвы и подъ охраной высокаго вулкана вся долина окаймляется по краямъ вѣчно зелеными горами; утренній воздухъ былъ мягокъ, благоуханенъ, чистъ и свѣжъ. Если бы тутъ было хорошее управленіе, хорошіе законы, да побольше людей, то я не знаю болѣе прекраснаго мѣста, гдѣ бы человѣкъ могъ такъ счастливо провести свою жизнь».

Кошенили извѣстно нѣсколько видовъ; такъ и у насъ въ Россіи, въ Польшѣ и Малороссіи водится кошениль, извѣстная подъ названіемъ *Польской*, она живетъ на такъ называемомъ «Обыкновенномъ Кошенильникѣ» и собирается мѣстными жителями у корней. По качеству краски заслуживаетъ также вниманіе *Араратская кошениль*, водящаяся у насъ въ Закавказьи и въ Персіи. Мѣстные жители собираютъ ее и окрашиваютъ ею разныя ткани въ ярко пунцовый цвѣтъ, которымъ вы вѣроятно не разъ любовались на кавказскихъ тканяхъ.

***

САМООБУЧЕНІЕ ВЪ РИСОВАНІИ.

Глава II.

Графитовые карандаши. — Нехорошая привычка пріобрѣтается неумѣньемъ ими пользоваться.—Свѣтъ, полутонъ, тѣнь, рефлектъ въ природѣ и значеніе ихъ въ предметныхъ рельсфахъ.—Легчайшіе опыты на этотъ счетъ.—Что значитъ тушевать.—Какъ при помощи тушовки самоучка убѣдилъ меня въ томъ, что изъ четырехугольника можно сдѣлать цилиндръ; а, при желаніи нарисовать шаръ, отъ неумѣнья тушевать выходитъ иногда круглая лепешка.—Самоучка тушуетъ. — О карандашахъ вообще. — Манера тушевать. — Чѣмъ создается картина въ природѣ.

Хотѣлось бы мнѣ заглянуть къ каждому изъ моихъ юныхъ самоучекъ, и посмотрѣть, а также и порадоваться ихъ успѣхамъ за прошедшіе два мѣсяца; но къ сожалѣнію сдѣлать это, если не вполнѣ невозможно, то довольно трудно.

Не одно простое любопытство подстрекаетъ меня на такое желаніе; нѣтъ! Но дѣло въ томъ, что, мысленно представляя себѣ, какъ каждый изъ васъ, можетъ быть, сидитъ прилежно за своей работой, старательно выводя карандашомъ самые прихотливые контуры, я вспомнилъ, что, какъ говорится, слона то я и не примѣтилъ,—о самомъ-то карандашѣ вамъ ни полслова. Впрочемъ, пока вы дѣлали контуры, карандашъ въ вашихъ рукахъ былъ совершенно безвреднымъ орудіемъ, такъ какъ вы добивались отъ него однѣхъ линій; если же, слѣдуя моему совѣту, вы и дѣлали нѣкоторыя части этихъ линій потолще и потемнѣе, то для этого вы его, вѣроятно, только крѣпче нажимали. Но вотъ наступило время, когда вашъ контуръ оконченъ, вы дождались наконецъ всегда съ нетерпѣніемъ ожидаемой минуты—начать тушевать, или раскрашивать вашъ рисунокъ. Вижу, какъ вамъ хочется сдѣлать тушовку поотчетливѣе, мѣстами почернѣе, какъ при этомъ карандашъ вашъ то и дѣло

погружается въ ротъ и затѣмъ, увлаженный слюною, дѣйствительно производитъ на бумагѣ довольно черныя пятна. Такой пріемъ однакожъ мнѣ вовсе не нравится, онъ, я думаю, и по вашему мнѣнію окажется совершенно лишнимъ, когда вы выслушаете то, что я вамъ при этомъ удобномъ случаѣ разскажу про то, какіе карандаши вамъ нужнѣе и полезнѣе достать, и когда мы съ вами, какъ и подобаетъ порядочнымъ собратамъ по искусству, пообсудимъ хорошенько, на сколько неизбѣжно при рисованіи слюнить карандашъ. «Вотъ новости»! говорите вы, «есть о чемъ толковать; да все это даже маленькій ребенокъ знаетъ»! Совершенно согласенъ; но всѣ ли изъ васъ знаютъ, какимъ карандашомъ удобнѣе рисовать контуръ, какимъ тушевать, и, несмотря на то, что извѣстный фабрикантъ карандашей Faber ставитъ на нихъ №№ 1-й, 2-й, 3-й, вы вѣрно зачастую, не обращая на нихъ никакого вниманія, чертите контуры карандашомъ № 1-й; попался подъ руку № 3-й, вы имъ тушуете; между тѣмъ какъ эти нумера выставляются именно для обозначенія извѣстной степени *твердости* карандаша; что знать весьма важно, такъ какъ отъ нея зависитъ способность карандаша давать или тонкія линіи, или—широкіе мягкіе штрихи.

Вы слюните вашъ карандашъ вовсе не безсознательно, и уже никакъ не потому, чтобы онъ былъ особенно вкусенъ; а просто потому, что однимъ и тѣмъ же карандашомъ вы хотите и чертить тонкіе контуры, и тушевать широкими темными штрихами. Попробовавъ разъ послюнить карандашъ, долго сопротивлявшійся вашимъ желаніямъ, и получа болѣе удовлетворительные, хотя далеко все таки не полные результаты, вы думаете, что такъ и надо; тогда какъ попробуйте дѣлать контуръ карандашомъ № 2-й или 3-й, а тушевать № 1-мъ, и вамъ совсѣмъ не придется прибѣгать къ смачиванію вашего карандаша, такъ какъ 2-й и 3-й нумера, какъ болѣе твердые, лучше годятся для контурной работы такихъ линій; № же 1-й, какъ самый мягкій, при этой работѣ будетъ сильно мазать; но за то въ тушовкѣ, въ которой и требуется отъ карандаша, чтобъ онъ лучше мазалъ, № 1-й будетъ самымъ желаннымъ. Я говорю о карандашахъ, наичаще нами употребляемыхъ, т. е. приготовляемыхъ изъ графита, вдѣланнаго въ деревянную палочку. Особенно же распространиться о ихъ свойствѣ я счелъ наиболѣе

умѣстнымъ потому, что тушевальная работа наиболѣе вызываетъ въ васъ потребность слюнить карандашъ,—а потому и наиболѣе нуждается въ выборѣ карандаша извѣстной мягкости, недостатокъ въ которой и порождаетъ въ насъ привычку часто его смачивать. Самъ по себѣ карандашъ-графитъ конечно вещество совершенно безвредное, потому что онъ не растворимъ ни въ водѣ, ни въ слюнѣ; но привычка брать въ ротъ карандашъ положительно вредна, такъ какъ—по свойству всякой привычки—вкореняется весьма легко и, впослѣдствіи, при работѣ акварельными красками, въ которой вмѣсто карандашей вы станете рисовать кистями,—вы то и дѣло будете брать ихъ въ ротъ, для высасыванья изъ нихъ лишней воды, не смотря на то, что эти кисти будутъ иногда пропитаны красками, приготовленными изъ ядовитыхъ веществъ. Итакъ, вы значеніе нумеровъ на карандашахъ не забудете и, вѣрно, это избавитъ васъ отъ необходимости брать ихъ въ ротъ. Кромѣ графитовыхъ карандашей существуютъ такъ называемые французскіе, италіанскіе карандаши, обыкновенный древесный уголь и цвѣтные карандаши, замѣняющіе краски. Каждый изъ нихъ имѣетъ свое значеніе въ примѣненіи къ той или другой рисовальной работѣ; а потому мы поговоримъ о нихъ впослѣдствіи, когда будемъ заниматься тушовкою.

Хотя я навѣрное знаю, что вы, по свойству всѣхъ самоучекъ, сами неоднократно пробовали тушевать; очень можетъ быть, что вы тушуете даже и очень бойко; а все таки я хотѣлъ бы спросить у васъ, какъ понимаете вы значеніе тушовки, что значитъ тушевать? Не стѣсняйтесь выраженіями; отвѣтьте какъ умѣете. Если вы задумываетесь и не рѣшаетесь по-своему отвѣтить, то, я поступлю нѣсколько смѣлѣе и скажу вамъ, что тушевать значитъ—вѣрно передавать на бумагѣ избранный предметъ не въ однихъ контурахъ, но въ тѣняхъ, полутонахъ, свѣтахъ и рефлектахъ. А чтобы умѣть все это передавать вѣрно, не интересно ли осмыслить себѣ представленіе объ этихъ 4-хъ существенныхъ явленіяхъ, дающихъ характерный рельефъ каждому предмету, для передачи котораго вы и прибѣгаете къ тушовкѣ.

Среди вашихъ ежедневныхъ прогулокъ, вы вѣрно замѣтили, что на какой бы предметъ и въ какую бы пору дня

вы ни взглянули, онъ всегда вамъ представится въ большей или меньшей степени освѣщеннымъ; причемъ вы конечно обратили ваше вниманіе на то, что во 1-хъ, степень освѣщенія, форма и величина свѣтовыхъ и тѣневыхъ пятенъ на различныхъ по формѣ предметахъ весьма различны, и что во 2-хъ, одни и тѣ же предметы, какъ напр.: деревья, горы и т. п., при совершенно одинаковомъ дѣйствіи на нихъ солнца, по мѣрѣ своего большаго и большаго отдаленія отъ васъ, кажутся вамъ все менѣе и менѣе рѣзко очерченными, менѣе и менѣе ярко окрашенными. Изъ такихъ многократныхъ наблюденій вы конечно пришли къ тому заключенію, что степень освѣщенія, форма, величина и распредѣленіе свѣтовыхъ и тѣневыхъ пятенъ зависитъ во 1-хъ отъ формы самаго предмета, во 2-хъ—отъ положенія его относительно источника свѣта: солнца, свѣчи; въ 3-хъ—отъ яркости исходящаго отъ нихъ свѣта. Большая же или меньшая отчетливость предметныхъ очертаній, и постепенное ослабленіе цвѣтовъ, окрашивающихъ предметы—отъ разстоянія ихъ отъ наблюдателя. Этимъ же разстояніемъ обусловлено и то кажущееся уменьшеніе предметовъ совершенно одинаковой величины, т. е. по мѣрѣ увеличенія разстоянія предметы кажутся намъ все меньше и меньше *). Явленіе это называется «воздушною перспективою», о которой мы поговоримъ впослѣдствіи. Мы сказали, что форма тѣневыхъ и свѣтовыхъ пятенъ находится въ тѣсной связи съ формою самихъ предметовъ; самый несложный опытъ, лучше словъ убѣдитъ насъ въ этомъ, а также скорѣе познакомитъ насъ съ явленіемъ тѣней, полутоновъ, свѣтовъ и рефлектовъ. Возьмемъ какихъ либо 3 предмета одного, положимъ, бѣлаго цвѣта, но различной формы; положимъ, кубъ, цилиндръ и шаръ. Какъ тотъ, такъ и другой и 3-й поставимъ въ одинаковыхъ условіяхъ къ свѣту (къ солнцу, лампѣ, свѣчѣ—всё равно). Первое, что бросается намъ въ глаза, это то, что стороны нашихъ предметовъ, обращенныя къ свѣту, даютъ яркія бѣлыя пятна (свѣты), противоположныя же имъ

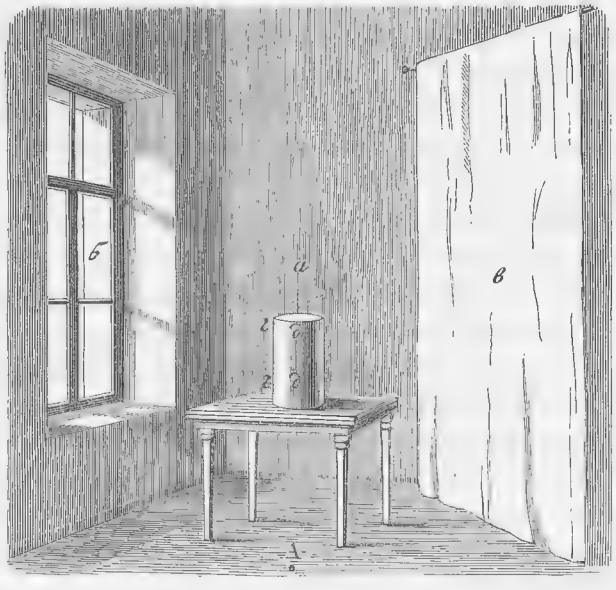
*) Какой нибудь дубъ или береза, возлѣ которой вы стоите, такъ высоки, что превышаютъ высоту вашего дома; но отойдите отъ нихъ на 1/4 версты и, держа передъ собою какую нибудь рамочку вышиною и шириною не болѣе 3-хъ вершковъ, вы увидите, что этотъ дубъ или эта береза свободно помѣстятся въ вашей рамочкѣ.

стороны покажутся намъ какъ бы окрашенными въ темносѣрый цвѣтъ (тѣнь); затѣмъ мы видимъ, что между этими яркими бѣлыми и сѣрыми пятнами рѣзкихъ границъ не существуетъ, а напротивъ, существуютъ незамѣтные и постепенные переходы, т. е. темное тѣневое пятно какъ бы расплывается, переходя къ болѣе и болѣе свѣтлымъ сѣрымъ топамъ, которые въ свою очередь постепенно изчезаютъ, давая мѣсто ярко бѣлому пятну. Эти свѣтло-сѣрыя тѣни называются *полутонами*, весь же этотъ процессъ, взятый въ совокупности, производитъ явленіе такъ называемаго *освѣщенія*.

Всматриваясь въ самую форму свѣтовыхъ и тѣневыхъ пятенъ, вы поражаетесь ихъ разнообразіемъ, и по своей величинѣ, и по формѣ. Пятна на цилиндрѣ совершенно не тѣ, что пятна на шарѣ и кубѣ; не ясно ли это указываетъ на связь между освѣщеніемъ и формою предметовъ? Попробуйте на тѣ же предметы взглянуть въ сумерки или ночью, и они вамъ покажутся плоскими силуэтами; но первый лучъ утренней зари пролился на тѣ же ночные плоскіе призраки—и эти призраки получаютъ тотчасъ-же свойственный имъ рельефъ.

Итакъ, подъ вліяніемъ свѣта, всѣ предметы являются болѣе или менѣе освѣщенными; на всѣхъ предметахъ вы видите самыя освѣщенныя мѣста—свѣты, самыя темныя—тѣни, и переходъ отъ первыхъ къ послѣднимъ—полутоны. Но оканчивается ли на этомъ все дѣйствіе свѣта, и не проявляется ли оно въ другихъ, менѣе замѣтныхъ формахъ? Не случалось ли вамъ подмѣтить, какъ запыхавшаяся и раскраснѣвшаяся отъ бѣготни ваша маленькая подруга весело вбѣжала въ компату, обитую, положимъ, зелеными обоями, и вдругъ, какъ бы чего испугавшись, разомъ позеленѣла? вѣрно случалось. Случалось, можетъ быть, не разъ и то, что такая быстрая перемѣна пугала васъ или, по крайней мѣрѣ, добрую, заботливую няню, которая никакъ не могла сразу догадаться, что вся бѣда кроется въ зеленыхъ обояхъ. Дѣло въ томъ, что предметы, независимо отъ непосредственнаго вліянія падающихъ на нихъ лучей свѣта, подвергаются вліянію окружающихъ ихъ предметовъ; вліяніе это обнаруживается тѣмъ, что эти послѣдніе, будучи точно также и тѣмъ же лучемъ освѣщены какъ и наблюдаемые вами предметы, отражаютъ на нихъ часть полученнаго ими освѣщенія, сообщая ему при

этомъ даже и тотъ цвѣтъ, которымъ они сами окрашены. Явленіе такого отражательнаго освѣщенія извѣстно въ живописи подъ названіемъ *рефлекта*. Самымъ простымъ и наглядным образомъ вы можете провѣрить это явленіе такъ: (фиг. 1). Поставьте на столѣ избранный вами предметъ, положимъ, цилиндръ *(а)*, или что хотите, такъ, чтобы свѣтъ падалъ на него слѣва (положимъ отъ окна *б.*); съ правой стороны, на нѣкоторомъ разстояніи отъ вашего предмета, повѣсьте кусокъ по-



ложимъ красной матеріи *в.*, сами встаньте въ точкѣ А. Посмотрите, что произойдетъ съ вашимъ цилиндромъ. Конечно, лѣвая сторона цилиндра *г. г.* представится вамъ ярко-освѣщенною, затѣмъ, отдаляясь отъ *г. г.* къ *д. д.*, свѣтъ этотъ мало-по-малу переводится въ полутонъ, который въ свою очередь переходитъ въ самую сильную тѣнь въ мѣстѣ *д. д.* Казалось бы, на правой сторонѣ, наиболѣе лишенной свѣта, тѣнь эта должна бы была сгуститься и показаться вамъ совершенно черною, но на дѣлѣ выходитъ иначе: тотчасъ за самой сильной тѣнью, идущей по направленію *д. д.*, вы замѣчаете опять переходъ къ узкой полосѣ полу-

тона, за которымъ слѣдуетъ опять узкая полоска свѣта, окрашеннаго въ красный цвѣтъ. Попробуйте замѣнять красную матерію синей, желтой, зеленой, фіолетовой—и правая сторона цилиндра окажется окрашенною тѣми же цвѣтами. Этотъ не сложный опытъ какъ нельзя лучше объясняетъ намъ значеніе рефлекта въ природѣ, наводя на только что высказанную мною мысль, что всѣ видимые нами предметы, получая освѣщеніе отъ такихъ источниковъ свѣта какъ солнце, пламя лампы, свѣчи, въ свою очередь играютъ другъ для друга, такъ сказать, роль источниковъ свѣта, прибавляя къ отражаемому ими свѣту и долю свойственныхъ имъ цвѣтовъ; — и такъ какъ этотъ отраженный свѣтъ падаетъ на стороны, не освѣщенныя непосредственно солнцемъ или другими источниками свѣта, то слѣдовательно онъ освѣщаетъ тѣ части, которыя безъ этого были бы погружены въ самую глубокую тѣнь, отчего и самая рельефность предметовъ потеряла бы свой типическій характеръ. Хорошіе мастера художники, умѣющіе ловко подмѣтить и уловить лучшіе моменты такихъ рефлективныхъ явленій, пользуются ими, сообщая своимъ картинамъ ту неуловимую, но очаровывающую васъ прелесть, которую мы называемъ *колоритомъ*, — тономъ картины. Вамъ, я думаю, очень часто приходилось (а если не приходилось, то придется) слышать, какъ въ разговорѣ о такомъ то или такомъ то художникѣ говорятъ: у него во всѣхъ картинахъ теплый тонъ, про другаго — онъ замѣчательный колористъ! Но объ этомъ рѣчь впереди, а пока возвратимся къ нашей тушовкѣ.

Мы уже видѣли, какое соотношеніе существуетъ между свѣтомъ и формою освѣщеннаго предмета, — что предметы различной формы и освѣщены бываютъ различно. Падая на предметы самыхъ разнообразнѣйшихъ формъ, свѣтъ распредѣляется на нихъ соотвѣтственно этимъ формамъ, и самый фактъ извѣстнаго распредѣленія и направленія свѣто-тѣней такъ неразрывно связанъ съ извѣстною формою предмета, что, будучи переданъ вѣрно на бумагѣ въ видѣ тѣней, полутоновъ, свѣтовъ и рефлектовъ, распредѣленныхъ въ томъ или другомъ направленіи, въ той или другой формѣ, въ одномъ случаѣ даетъ вамъ цилиндръ, въ другомъ — шаръ, въ третьемъ кубъ, и т. д; —все это вы производите тушовкою; слѣдовательно, тушевать—значитъ ис-

кустенно на бумагѣ производить тѣ самыя явленія, какія свѣтъ производитъ въ природѣ, съ тою только разницею, что въ природѣ свѣтъ дѣйствуетъ на существующіе, готовые предметы, давая яркія свѣтлыя пятна на выдающихся и противъ него находящихся частяхъ предметовъ, тѣни и полутоны на частяхъ отъ него скрытыхъ. На лежащей же передъ вами чистой бумагѣ—готовыхъ предметовъ нѣтъ; и при помощи свѣтлыхъ и темныхъ пятенъ извѣстной формы вы создаете тотъ или другой предметъ.

Но обратимся къ опыту; кстати, я вижу у васъ цилиндръ, который и на этотъ разъ сослужитъ намъ хорошую службу. Зная, что прежде всего надо нарисовать контуръ цилиндра, вы бойко его рисуете, и на вашей бумагѣ являются такія очертанія (фиг. 1.) (если, положимъ, цилиндръ стоялъ нижнею частію на столѣ, а верхняя площадка была нѣсколько выше вашего глаза, такъ что скрылась).

Фиг. 1.

Но чѣмъ вы насъ убѣдите, что это цилиндръ? я, напротивъ, думаю, что это скорѣе четырехугольникъ; ваша старшая сестра, которая стоитъ возлѣ и слѣдитъ за вами, тоже соглашается со мною: «четыре стороны прямыя, четыре прямыхъ угла;»— говоритъ она—«конечно, г. Самоучка правъ,—ты нарисовалъ четырехугольникъ.» Вмѣсто напрасныхъ увѣреній и траты словъ, вы принимаетесь тушевать (ф. 2), и когда на вашемъ четырехугольникѣ съ лѣвой стороны явилась полоса свѣта *а а*, за нею полоса полутона *б б*, незамѣтно переходящая въ тѣнь *в в*, которая въ свою очередь перешла въ рефлектъ *г г*, мы убѣждаемся, что вы дѣйствительно нарисовали цилиндръ.

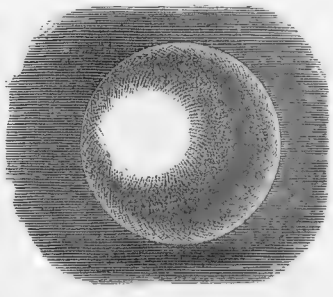
Фиг. 2.

«А это что будетъ?» опять спрашиваетъ у васъ ваша же сестра.—Шаръ,—отвѣчаете вы, стараясь какъ можно вѣрнѣе вырисовать контуръ круга. «Да какой же это шаръ», слыша вашъ разговоръ и подойдя къ вамъ, говоритъ вашъ товарищъ. «Дай-ка мнѣ, пожалуйста, на минуту твой карандашъ, я тоже хочу попробовать нарисовать шаръ,» и, не дождавшись вашего согласія, проворно выхватываетъ у васъ карандашъ и принимается за работу, ре-

зультатомъ которой является такая фигура (фиг. 3). Вы съ досадой смотрите на перебившаго вашу фантазію мальчугана, и ваша старшая сестра укоризненно объявляетъ ему, что у него вмѣсто шара вышла какая-то круглая лепешка. «Посмотри-ка на настоящій шаръ», говоритъ она ему, ставя на столъ модель шара, на извѣстномъ разстояніи отъ окна, такъ чтобъ на него попалъ свѣтъ. «Посмотри, какое широкое свѣтлое пятно на лѣвой сторонѣ; а какая оригинальная форма тѣни и полутоновъ, — совершенно не та, что на цилиндрѣ». Она при этомъ тушуетъ и, приближаясь къ правой сторонѣ (фиг. 4), мало-по-малу тѣнь ослабляетъ, переходя къ полусвѣту, сводя и этотъ послѣдній къ рефлекту. Какъ товарищъ вашъ, такъ и вы признаете, что сестра ваша дѣйствительно нарисовала шаръ; и удачно нарисовала потому, что распредѣлила въ своемъ рисункѣ свѣты и тѣни такъ, какъ они распредѣляются въ натурѣ, и притомъ распредѣляются такъ только на предметахъ, имѣющихъ шаровидную форму.

Фиг. 3.

Фиг. 4.



На предметахъ, имѣющихъ цилиндрическую форму, тѣни и свѣты,—какъ мы только что видѣли,—имѣли тоже свою особую форму, свойственную только этимъ предметамъ; — и если вы возьмете 1-й вашъ рисунокъ цилиндра и, вмѣсто того постепеннаго перехода отъ свѣта къ тѣни и отъ тѣни къ рефлекту, попробуете отъ свѣта прямо перейти въ тѣнь (фиг. 5), то по линіи *a a* вы получите изломъ, уголъ, а нарисованная такимъ образомъ фигура скорѣе напомнитъ форму четырехугольнаго столбика.

Фиг. 5.

Думаю, что мы съ вами достаточно уяснили себѣ цѣль и значеніе тушовки, чтобы приступить къ самой тушовкѣ.

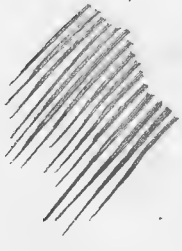
Но старшая сестра нашего маленькаго самоучки давно уже въ этомъ меня предупредила, потому что въ ея комнатѣ для занятій съ ея братомъ, кромѣ различныхъ кубиковъ,

цилиндровъ и т. п. рисовальныхъ моделей, я вижу массу рисунковъ, и рисунковъ довольно порядочныхъ, по всему вѣроятію, сдѣланныхъ ею, или, при ея содѣйствіи, ея братомъ.

«Ну вотъ и контуръ твоей новой картинки готовъ», говоритъ сестра, брату, «постарайся же оттушевать его получше. Помнишь, что я тебѣ говорила, когда поправляли твои прежнія работы? Дѣлай штрихи смѣлѣе, старайся держать кисть руки свободно и спокойно, и работать больше пальцами; отъ этого штрихи сами собою лягутъ правильно, и тебѣ не будетъ надобности особенно заботиться объ этой правильности, такъ какъ при всемъ твоемъ стараніи ихъ выдѣлывать, у тебя все-таки пятно тѣни выходитъ какимъ-то взъерошеннымъ (фиг. 6). Говорю тебѣ: положи руку на столъ, вотъ такъ, и старайся двигать только пальцами, тогда посмотри, что у тебя выйдетъ (фиг. 7.). Даже, если хочешь, то можешь тушевать еще иначе, и для твоего рисунка дерева такая тушовка (фиг. 8.) по моему еще лучше пригодится, потому что въ тѣняхъ, отдѣляющихъ лиственныя группы, ты и въ натурѣ и въ оригиналѣ видишь нѣкоторую пестроту, для передачи которой нѣтъ надобности, чтобы каждый штришокъ непремѣнно оканчивался остро. Я знаю, ты видѣлъ въ твоей рисовальной тетрадкѣ, что головка грека оттушована такими штрихами, какъ только что я тебѣ показала; но въ такихъ предметахъ какъ головка, шаръ, закругленный камень, такая тушовка дѣлается для того, чтобъ при переходѣ отъ тѣни къ свѣту не надѣлать пятенъ; такъ какъ и на самыхъ такихъ предметахъ, какъ напримѣръ на лицѣ человѣка, на шарѣ, выточенномъ изъ дерева, ты такихъ пятенъ не видишь. Если при такой тушовкѣ (фиг. 9) ты и замѣчаешь мелкія, болѣе свѣтлыя пятнышки между перекрещивающимися штрихами, то они не портятъ дѣло и не вредятъ впечатлѣнію именно потому, что ихъ цѣлая масса, въ которой они и произво-

Фиг. 6.

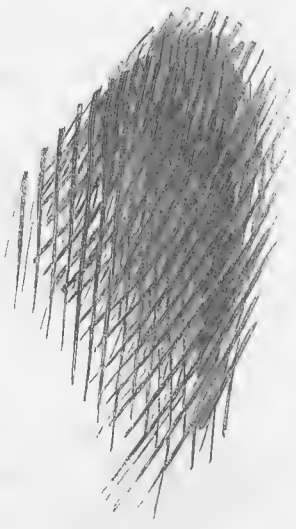
Фиг. 7.



Фиг. 8.

дятъ эффектъ однообразнаго темно-сѣраго или свѣтло-сѣраго пятна».

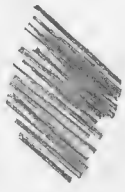
Фиг. 9.



Нашъ мальчуганъ очень хорошо понималъ, что говорила ему его сестра; но пальцы его еще не привыкли повиноваться его волѣ. И только когда, при помощи сестры, рука его была уложена какъ слѣдуетъ, пальцамъ его дѣйствительно удалось набросать нѣсколько удачныхъ (фиг. 10) штриховъ.

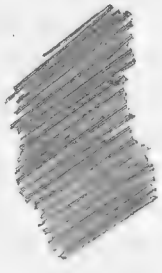
«Теперь ты самъ видишь, что это вовсе не такъ трудно, хотя все таки видно, что ты работаешь не смѣло, точно чего боишься; посмотри какъ я дѣлаю, видишь какъ у меня ходятъ пальцы».

Фиг. 10.



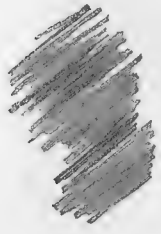
Нашъ мальчуганъ съ особымъ желаніемъ хотѣлъ сдѣлать точь въ точь какъ его сестра, и на этотъ разъ ему бы вполнѣ это удалось, если-бъ среди довольно бойкихъ штриховъ не явились двѣ непрошенныя кляксы; онъ самъ не понималъ какъ онѣ явились (фиг. 11);—сестра очень хорошо понимала и, глядя на частію самодовольную, а еще больше на изумленную физіономію своего ученика, она еле сдерживала улыбку. «Совсѣмъ бы было хорошо», сказала она, «еслибъ не пятна; у тебя дрогнула рука и вслѣдствіе этого ты слишкомъ крѣпко нажалъ карандашъ; впрочемъ по всему видно, что ты свободнѣе сталъ держать руку,—а это при тушовкѣ особенно важно. Теперь я вижу, ты хочешь мѣстами усилить тѣнь; прекрасно; но для этого ты попробуй тушевать такъ, чтобы штрихи твоей 2-й тушовки шли нѣсколько по другому направленію, вотъ такъ (ф. 12). Повторяя безпрерывно водить по одному и тому же направленію,

Фиг. 11.



у тебя съ непривычки выйдутъ черныя пятна, которыя будутъ непріятно бросаться въ глаза и по своему рѣзкому контрасту уничтожать требуемую силу другихъ тоновъ.»

Фиг. 12.



Совѣты и пріемы старшей сестры нашего самоучки такъ вѣрны и практичны, что я право затрудняюсь въ этомъ случаѣ добавить что либо съ своей стороны. Развѣ только скажу, что меня также точно, какъ и нашего мальчугана самоучку, ужасно бывало замучивала та сухая правильность штриховъ, образцы которой обыкновенно предлагаются изданіями, извѣстными въ продажѣ подъ названіемъ «рисовальныхъ школъ.» Мнѣ казалось, что выдѣлываніе такихъ безчисленныхъ гладко уложенныхъ штриховъ—просто немыслимо, или несказанно трудно; а между тѣмъ, безъ этого, думаю себѣ, и головка Венеры будетъ не Венера, и Аполлонъ выйдетъ какимъ-нибудь Тарасомъ. Однако же затрудненія отстранились сами собою, когда кисть руки окрѣпла, а пальцы пріучились работать карандашомъ съ достаточною самостоятельностію.

Фиг. 13.

Созидательная способность, или такъ называемое творчество, выражается не столько умѣньемъ тщательно проводить штрихи другъ возлѣ друга, сколько силою и правдою распредѣленія частей предмета главныхъ свѣтовыхъ и тѣневыхъ пятенъ. При этомъ не могу не вспомнить любимую фразу одного знакомаго живописца. «Рисуй чѣмъ попало и какъ попало, лишь бы то, что ты рисуешь, было сдѣлано натурально». Подъ словомъ «натурально», онъ, конечно, разумѣлъ не то понятіе, что одинъ малороссійскій маляръ, который, рисуя лошадь, долженъ былъ внизу подписывать «се конь, а не собака». А вѣдь вѣрно онъ рисовалъ тѣми же Фаберовскими карандашами, какими рисуемъ и мы съ вами. Нѣкоторые художники обходятся даже и безъ Фабера, а просто пачкаютъ перомъ; говорю «пачкаютъ» потому, что дѣйствительно, когда вы смотрите на ихъ работу во время самой работы, то она вамъ кажется какою то бездѣльною пачкотнею, но едва бѣглая художественная мысль успѣла улечься на бумагу,

вы забываете и про то, какъ это сдѣлано, и чѣмъ это сдѣлано, а только восхищаетесь; восхищаетесь тѣмъ, надъ чѣмъ прежде готовы были пожалуй смѣяться; вѣрите въ то, во что прежде не вѣрили. Но умѣнье такъ пачкать есть достояніе великихъ талантовъ;—и, по правдѣ сказать, такихъ пачкуновъ, какъ знаменитый французскій кроккистъ Говарни, найдемъ не много.

Такъ какъ я прервалъ урокъ маленькаго самоучки, начавъ говорить, чѣмъ еще рисуютъ кромѣ обыкновеннаго графитоваго карандаша, то уже за-одно сообщу вамъ что знаю и о другихъ карандашахъ, о которыхъ я вскользь упомянулъ въ началѣ этой главы; хотя въ сущности разницы въ манерѣ рисовать тѣми или другими карандашами—нѣтъ почти никакой. Тѣмъ не менѣе, тоны, даваемые тѣми и другими, весьма различны, какъ различна и способность ихъ давать мягкія и широкія мазки, которая такъ цѣнится при исполненіи картинъ большаго формата. Лучшими изъ нихъ я считаю такъ называемые италіанскіе карандаши. Правда, они не такъ мягки какъ французскіе, но за то тѣни и полутоны, даваемые ими, несравненно мягче и прозрачнѣе, чѣмъ тѣни и полутоны, даваемые французскими карандашами. Это зависитъ отъ того, что французскіе карандаши слишкомъ черны, и черныя тѣни, даваемыя ими, придаютъ рисунку какую то неестественную сухость, уничтожающую жизненную силу свѣтовыхъ явленій. Италіанскіе карандаши даютъ тѣни, тонъ которыхъ и самый цвѣтъ напоминаютъ нѣсколько тонъ и цвѣтъ *сепіи* (коричневая краска); а такъ какъ въ природѣ собственно нѣтъ черныхъ тѣней, а всѣ онѣ, даже въ самыхъ темныхъ мѣстахъ, подвергаясь дѣйствію рефлектовъ, имѣютъ прозрачный буровато-сѣрый тонъ, то и искусственное произведеніе такихъ тѣней вѣрнѣе достигается италіанскими карандашами, чѣмъ французскими. Я зачастую пробовалъ за неимѣніемъ италіанскаго карандаша рисовать простымъ березовымъ углемъ и получалъ очень хорошіе, мягкіе, прозрачные тоны.

Бѣлые карандаши употребляются только при рисованіи на цвѣтной бумагѣ. Когда вы рисунокъ вашъ вполнѣ окончили, то въ самыхъ свѣтлыхъ мѣстахъ дѣлаете нѣсколько ударовъ бѣлымъ карандашомъ.

Говоря о карандашахъ, можно бы было пожалуй сказать кой-что о бумагѣ; но въ моихъ глазахъ, вопросъ о бумагѣ есть во-

просъ самой послѣдней важности, и, припоминая изрѣченіе моего знакомаго живописца «рисуй чѣмъ попало...», я могу вамъ еще съ большей смѣлостью сказать: рисуйте на чемъ попало, на какой хотите бумагѣ. Дѣйствительно, рисовать и тушевать можно на какой хотите бумагѣ, лишь бы она не была глянцевита; по глянцевитой бумагѣ карандаши ваши будутъ скользить и штрихи обрываться, отчего рисунокъ вашъ выйдетъ пятнистымъ.

Относительно той или другой манеры тушевать, сказать и посовѣтовать заранѣе что-либо довольно трудно. Сколько рисовальщиковъ, столько и различныхъ пріемовъ въ тушовкѣ; каждый пріемъ, каждая манера составляютъ, такъ сказать, внѣшнее выраженіе самыхъ разнообразныхъ способностей, самыхъ разнородныхъ характеровъ, стѣснять которые въ какихъ-либо опредѣленныхъ узкихъ рамкахъ все равно, что требовать отъ васъ, мои дорогіе читатели, чтобы вы смѣялись когда хотите плакать, или наоборотъ, плакали — когда вамъ чего-нибудь смѣшно.— Всякая манера хороша, если ею вы съумѣете достигнуть того, что въ природѣ достигается свѣтомъ. Достигаете же вы этого не рабскимъ копированьемъ мелочей (какъ фотографія), а передачею тѣхъ общихъ свѣтовыхъ явленій, которыя, давая каждому отдѣльному предмету свой характерный рельефъ, при какомъ бы то ни было размѣщеніи этихъ предметовъ умѣютъ положить на нихъ извѣстный общій колоритъ, и изъ такого, повидимому безцѣльнаго собранія часто самыхъ разнородныхъ предметовъ (дубъ, ручей, камни, дикій мохъ) создать тѣ прелестные пейзажи, изученію которыхъ зачастую посвящается вся жизнь художника.

Самоучка.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ГВОЗДИЧКА.

Вѣтерокъ, разгуливая по полю, подхватилъ сѣмячко только что отцвѣтшей полевой гвоздички и понесъ его съ собою. Пробѣгая по лужайкѣ, по которой тихо протекала рѣчка, поросшая вербой, камышомъ и разнымъ другимъ кустарникомъ, онъ выронилъ сѣмячко и промчался дальше. Сѣмячко упало на листочекъ куста дикой малины и, покачавшись на немъ, свалилось на землю. Недолго довелось ему видѣть свѣтъ Божій: вѣтерокъ нанесъ на него землю, малина засыпала его своими поблекшими отъ осеннихъ холодковъ листьями, и сѣмячко очутилось въ могилкѣ.

Настала зима; глубокій снѣгъ покрылъ землю, повисъ на вѣткахъ деревьевъ и кустовъ, которыя совсѣмъ поникли подъ его тяжестью, а рѣчка спряталась подъ ледяной корой. По землѣ стали разгуливать мятели, гудя и свистя промежъ запиндѣвѣвшихъ вѣтокъ; но вотъ улягутся мятели, покажется солнышко и все заблеститъ подъ его лучами,—но лучи солнышка не грѣютъ: холодно, морозно. Всякій, кого нужда выгонитъ изъ дому, такъ и думаетъ, какъ бы скорѣе вернуться и отогрѣться въ тепло натопленной комнатѣ. А наше сѣмячко и не чувствуетъ зимы: преспокойно спитъ оно, зарывшись въ землю, подъ глубокимъ снѣгомъ; и хорошо ему въ его теплой могилкѣ.

Стала зима проходить, снѣгъ посинѣлъ, кое-гдѣ показались проталинки; вотъ и ручьи побѣжали, зазеленѣла травка, деревья покрылись пахучими почками, прошелъ ледъ по рѣчкѣ, налетѣли птички и стали чирикать въ кустахъ, радуясь весеннему солнышку. Что-же наше сѣмячко? Весну-то и оно почувство-

вало, проснулось и захотѣло выглянуть изъ своей могилки, посмотрѣть на солнышко, послушать птичекъ. И стало оно замѣчать, что происходитъ съ нимъ что-то странное: старое платьице становится тѣснымъ, давитъ его; вотъ и рубашечка начинаетъ рваться, изъ подъ нея показывается ножка, потомъ высовываются и двѣ ручки. Ножка идетъ еще дальше въ землю, а ручки идутъ вверхъ, начинаютъ зеленѣть, и двумя хорошенькими листочками выходятъ изъ земли. Ножка оказалась корешкомъ, который пошелъ вѣтвиться подъ землей, отыскивая корма для сѣмячка, которое стало—молодымъ растеньицемъ. Въ самомъ дѣлѣ, вскорѣ за первыми листочками вышли другіе, а тамъ еще и еще, и черезъ нѣкоторое время изъ едва замѣтнаго сѣмячка образовался цѣлый стебелекъ съ корешкомъ и со многими листочками, словомъ—молодая гвоздичка, такая-же, какая была та, изъ которой выпало сѣмячко.

Не понимала молодая гвоздичка, что съ ней дѣлалось, откуда взялось ея новое хорошенькое, зеленое платьице, какъ она попала на новое мѣсто, и не знала къ кому обратиться за объясненіями. Кругомъ ея росла травка, цвѣточки: рядомъ съ ней качались колокольчики и весело разговаривали между собой; нѣсколько поодаль, ближе къ рѣчкѣ—куриная слѣпота, съ желтенькими, блестящими цвѣточками; а тамъ, между кашкой, помѣстился одуванчикъ съ мохнатой шапкой. Онъ гордился этой своей шапкой, высоко поднималъ голову и чванился передъ другими цвѣтами; но вотъ подулъ вѣтерокъ, и шапки не стало,—весь пушокъ улетѣлъ и осыпалъ колокольчики, которые затрясли головками и весело захихикали; даже маленькія, голубенькія незабудки, и тѣ засмѣялись и выглянули изъ за высокой травки, чтобы посмотрѣть на бѣднаго одуванчика. Всѣ эти цвѣточки болтали промежъ себя, но ничего не могли объяснить гвоздичкѣ: они сами ничего про себя не знали. Пришлось обратиться къ малинѣ. Это былъ старый кустъ, который прожилъ много лѣтъ и много зимъ, и много видѣлъ на своемъ вѣку. Онъ сталъ разсказывать цвѣточкамъ все, что зналъ и что испыталъ, но цвѣточки и травки не все понять могли; узнали только, что взялись они либо изъ старыхъ корешковъ, либо изъ сѣмянъ, которые или занесены были вѣтромъ, или на мѣстѣ же осыпались отъ прошлогоднихъ цвѣтовъ.

Въ серединѣ лѣта гвоздичка стала наряжаться въ свое самое праздничное платье: начала раскрывать свои цвѣточки. Всѣ сосѣди весело закивали ей головками, поздравляя ее съ новымъ убранствомъ; только одинъ одуванчикъ торчалъ съ своей голой головкой, горько раздумывая, куда это онъ дѣвалъ свою шапку. А старый малиновый кустъ свысока смотрѣлъ и ворчалъ про себя: «смѣйтесь, смѣйтесь, глупые цвѣточки, и сами можете потерять не только шапки, да и головки вмѣстѣ съ шапками. Вотъ подождите, пройдетъ здѣсь кто нибудь, увидитъ васъ, да и оборветъ ваши головки».

— Что ты говоришь, не даешь намъ смѣяться,—заговорили вдругъ вмѣстѣ и колокольчики, и гвоздички, и незабудки,—развѣ твоихъ цвѣтовъ не оборвутъ?

— Нѣтъ, моихъ цвѣтовъ никто не сорветъ, хотя ихъ у меня и много; а знаю, скоро станутъ обрывать мои ягоды, да это имъ не легко дастся: всѣ руки изцарапаю шипами.

То, что предсказывалъ старый кустъ малины, сбылось въ самый тотъ вечеръ. Двѣ дѣвочки бѣжали по лужайкѣ и рвали попадавшіеся имъ цвѣточки. Уже набрали два большихъ пучка, да вдругъ увидѣли гвоздичку.

«Оля, Оля, смотри какая славная гвоздичка!» закричала одна дѣвочка, «у насъ еще нѣтъ такого цвѣтка, вотъ-бы сорвать ее»!

— Знаешь что, Надя? Лучше выкопаемъ ее съ корешками, да посадимъ ее у насъ въ саду; она такая хорошенькая! Я сейчасъ побѣгу домой и принесу лопаточку и корзинку.

Сказано, сдѣлано. Гвоздичку выкопали бережно вмѣстѣ съ корнями и землей, положили въ корзинку и понесли домой. «Прощай!» заговорили колокольчики; «прощай, прощай!» закричали другіе цвѣточки; но бѣдная гвоздичка ихъ не слыхала. Лежала она въ корзинкѣ, закрытая, задыхаясь безъ воздуха; ея листочки поломались, а тамъ и жажда стала ее мучить. «Пить, пить»! заговорила она изъ корзиночки; но дѣвочки не слушали и бѣжали дальше. Опустила свои цвѣточки бѣдная гвоздичка, листочки ея завяли, и жалко ей было, что унесли ее съ лужайки, гдѣ ей такъ хорошо было, и думала она, что больше никогда не увидитъ солнышка.

Но вотъ принесли ее въ садъ, выкопали ямку, посадили осторожно, чтобы не поломать корешковъ, принесли лейку съ

водой и всю ее вылили на гвоздичку. Гвоздичка, напившись, почувствовала себя лучше; за ночь поднялись ея цвѣточки, оправились листики, и утреннее солнышко встрѣтила она такой же красавицей, какой росла на лужайкѣ.

Въ саду было много цвѣтовъ, но все ей незнакомые; всѣ они стали ее распрашивать: кто она, откуда, какъ ее звать? Гвоздичка совсѣмъ растерялась, не знала кому отвѣчать, и какъ отвѣчать цвѣтамъ, которые казались ей очень важными. Къ счастью вступилась за нее роза, самая важная изъ всего сада, которая росла какъ разъ около гвоздички. Она начала знакомить гвоздичку съ новыми товарищами: «Вотъ этотъ цвѣточекъ, что ростетъ подъ твоими листочками, цвѣточекъ съ розовыми краями, это—маргаритка; а вотъ этотъ—резеда. Ты не смотри, что она некрасива, зато запахъ ея разносится по всему саду. Вотъ это—ночная красавица; ты поскорѣе познакомься съ нею, а то до вечера не увидишь ее; она такая странная: какъ утро, начнетъ свертывать въ трубочку свои цвѣточки и ложится спать, а къ ночи просыпается». Такимъ образомъ роза знакомила гвоздичку со всѣми ее окружавшими цвѣточками. Гвоздичка же кланялась каждому новому цвѣтку и рада была, что ее такъ ласково приняли. Мало по малу свыклась она съ новымъ своимъ помѣщеніемъ и зажила весело, наслаждаясь теплотой солнышка и росой, которая по утрамъ ярко блестѣла на ея листочкахъ.

Но не вѣкъ же красоваться, не вѣкъ носить одно и тоже платьице. Къ концу лѣта она стала терять свои цвѣточки, а вмѣстѣ съ ними разбросала вокругъ себя свои сѣмячки. Вѣтерокъ подхватилъ ихъ и перенесъ черезъ заборъ, что шелъ вокругъ сада; тамъ, подъ самымъ заборомъ и оставимъ ихъ.

На будущее лѣто изъ этихъ сѣмячекъ выростутъ молоденькія гвоздички и скоро вокругъ сада запестрѣютъ ихъ розовыя красныя и лиловыя головки.

М-а Бларамбергъ.

ОПТИМЕТРЪ ПАРРИСА.

Подъ этимъ именемъ изданъ въ Лондонѣ ящикъ съ такого рода приспособленіями, которыя даютъ возможность каждому срисовывать съ натуры и съ гипса довольно вѣрно не только отдѣльныя фигуры, но цѣлые ландшафты. Такъ какъ подобное занятіе пріятно и весьма полезно, то, издавъ его на русскомъ языкѣ, мы даемъ здѣсь описаніе этого простаго прибора, который въ главныхъ частяхъ каждый можетъ построить самъ себѣ и имѣть удовольствіе рисовать съ натуры тѣ виды, ландшафты, строенія, которыя почему либо ему хотѣлось бы сохранить у себя на бумагѣ.

Главное затрудненіе при срисовываніи отдѣльныхъ предметовъ и цѣлыхъ видовъ со многими предметами заключается въ томъ, что неучившійся перспективѣ не можетъ правильно расположить на плоскомъ листѣ бумаги различныя части выпуклыхъ, круглыхъ и угловатыхъ тѣлъ, изъ коихъ одна находится ближе къ глазу, другая далѣе отъ него. Какъ эти разстоянія передать на листѣ бумаги, который весь отстоитъ на ровномъ разстояніи отъ глазъ, на листѣ, который не имѣетъ ни боковыхъ, ни верхнихъ, ни нижнихъ плоскостей, какія имѣетъ каждый предметъ? При рисованіи видовъ и ландшафтовъ, эти затрудненія еще примѣтнѣе, такъ какъ разстоянія между предметами, составляющими ландшафтъ, еще бо́льшія.

Каждому извѣстно изъ наблюденій, что чѣмъ предметъ далѣе отъ насъ, тѣмъ кажется онъ меньше, и изъ двухъ или многихъ предметовъ тотъ кажется выше стоящимъ, который отъ насъ далѣе отстоитъ. Чтобы правильно уменьшать предметы и

представлять ихъ на бумагѣ выше и выше, соразмѣрно тому, какъ они далеко отъ насъ находятся въ природѣ, дается въ ящикѣ Парриса четыреугольная рамка, въ которой натянуты нити тонкой серебряной проволоки правильными квадратами. Если сквозь такую сѣтку смотрѣть на какой либо предметъ, вблизи или вдали отъ насъ находящійся, то весьма не трудно замѣтить всѣ законы перспективныхъ явленій. Вы ясно увидите, что предметы, далѣе отстоящіе, видны сквозь верхнія клѣтки сѣти, предметы ближайшіе видны въ нижнихъ клѣткахъ; мало того, различныя части одного и того же предмета видны или въ разныхъ клѣткахъ, или въ различныхъ частяхъ (вверху или внизу, ближе къ одному или другому углу) одной и той-же клѣтки.

Такимъ образомъ весь предметъ или всѣ предметы одного вида или ландшафта находятся у васъ передъ глазами на одной плоскости клѣтчатой сѣтки. Вамъ остается перенести это изображеніе на бумагу. Но и это требуетъ еще довольно большаго навыка; дѣло облегчится весьма много, если употребить разграфленную квадратиками бумагу. Такая бумага предлагается вамъ и дается въ ящикѣ. Но прежде чѣмъ рисовать на бумагѣ, надо испытать свои силы простымъ грифелемъ на аспидной доскѣ, разграфленной съ этой цѣлью квадратиками папочной доскѣ. Когда вы пріобрѣли нѣкоторый навыкъ и видите, что рисунокъ у васъ выходитъ порядочный, тогда пользуйтесь даваемою вамъ разграфленной квадратиками бумагою. Вашъ рисунокъ будетъ правиленъ. Конечно, рисунокъ будетъ покрытъ какъ бы сѣткою, но для начала это не бѣда, наконецъ вы всегда можете скопировать этотъ рисунокъ на бумагу, совершенно чистую. Кто имѣетъ средства, тотъ запасется на лѣто ящикомъ Парриса; кто хочетъ, тотъ можетъ существенныя части его приготовить и самъ. Взявъ какую либо ненужную четыреугольную рамку, или выломавъ у какого либо ненужнаго, напримѣръ, стараго сигарнаго ящика дно, отмѣриваете отъ угловъ, какъ у долевыхъ, такъ и у поперечныхъ сторонъ, ровные промежутки; дѣлаете въ этихъ промежуткахъ малые зарубки перочиннымъ ножомъ и натягиваете простыя нитки. Вашъ ящикъ будетъ стоять отвѣсно и безъ той подставки, которая дается въ ящикѣ Парриса. Точно также сами себѣ приготовите и бумагу, разграфленную квадратиками.

Послѣ не многихъ упражненій въ рисованіи вы замѣтите, что передвигая сѣтку ближе къ предмету, или дальше отъ него, вы этимъ получаете изображеніе предмета то больше, то меньше; поэтому вы примете себѣ за правило, 1) что перемѣщать сѣтку во время рисованія какого либо предмета не слѣдуетъ и 2) желая получить изображеніе въ большемъ или въ меньшемъ видѣ, или употребляете бумагу съ клѣтками соотвѣтствующей величины, или придвигаете сѣтку ближе или дальше къ своему глазу.

Не трудно понять, что если вы будете перемѣщать глаза по сѣткѣ или измѣнять положеніе головы, то получите такія же невѣрности, какія получились бы, если бы вы передвигали самую сѣтку; для отстраненія этого, въ ящикѣ Парриса дается стойка, движущаяся по рельсу; въ этой стойкѣ вправлена пластинка съ маленькимъ отверстіемъ, черезъ которое и слѣдуетъ смотрѣть во все время рисованія.

Устроить подобную же неподвижную точку зрѣнія вы можете сами изъ картона или жесткой бумаги.

Что касается тушовки вашего рисунка, то руководствуйтесь тѣми правилами, которыя вамъ рекомендуетъ самоучка во II и въ этомъ IV №№ Семьи и Школы.

О раскраскѣ онъ обѣщаетъ сказать въ будущемъ номерѣ.

Ю. С.

ПЫЛИНКИ.

(Продолженіе).

Здравствуй, Андрюша. Ты хотѣлъ, чтобы я былъ булыжникомъ и разсказалъ тебѣ свою исторію. Изволь; я поведу разсказъ какъ булыжникъ, я постараюсь быть коротокъ, а ты будь внимателенъ. Я начинаю: я очень старъ, такъ старъ, что не помню числа своихъ лѣтъ, да и трудно мнѣ считать возрастъ такими короткими промежутками времени какъ тотъ, что вы называете *годъ*—что такое годъ?—одно лѣто и одна зима и только; я такъ старъ, что не могу назвать себя даже древнимъ, даже ветхимъ—все это молодо—мнѣ столько времени сколько времени землѣ, мы родились вмѣстѣ съ нею, и если я называю ее своею матерью, то потому только, что я передъ нею очень малъ, что я частица ея, какъ какая нибудь песчинка моя частица; я старъ, я отторгнутъ отъ своей матери, далеко отнесенъ отъ родины, заброшенъ сюда на чужбину, я охладѣлъ какъ и моя мать, я истерся, скруглился, во мнѣ нельзя узнать того, что было. Нѣкогда мы были такъ горячи, пламенны, пылающи, подвижны; тогда съ матерью землею мы составляли одно цѣлое, нераздѣльное, круглое тѣло; мы долгое время летали кругомъ солнца, которое теперь я такъ люблю, но котораго прежде мы съ матерью и не замѣчали. Да и что для насъ тогда было солнце, когда мы были такъ горячи, что солнце насъ только холодило; мы и не понимали того, что оно насъ держитъ близь себя, мы были молоды, неопытны, намъ тогда казалось, что оно ненужно, что оно слишкомъ холодно, слишкомъ непривѣтливо; но время беретъ свое. Мы долго летали кругомъ солнца, долго вся

поверхность земли волновалась; по временамъ, бывало, то тутъ, то тамъ поверхность вспучится горою, пузыремъ, потомъ лопнетъ этотъ пузырь, какъ пузырь на кипящей водѣ, и все кругомъ придетъ въ движеніе; но едва уровнялась поверхность—опять спокойствіе на верху, и все тотъ же полетъ кругомъ солнца. Такъ длилось долго. Однако стали мы замѣчать, что какъ то мы сами начинаемъ дѣлаться гуще, какъ круто завареное тѣсто, не такъ легко прорываются сквозь нашу поверхность пузыри, вздуваемые внутренностію, не такъ быстро и мы закрываемъ отверстіе откуда вырвался пузырь. Помню одинъ разъ—то было событіе для меня, которое послѣ неповторялось со мною—громадный пузырь сталъ медленно вздуваться какъ разъ подо мною, и поднялъ меня высоко высоко отъ моего обыкновеннаго мѣста, потомъ вдругъ лопнулъ, и я съ необыкновенною быстротою полетѣлъ внизъ, внутрь земли; какъ тамъ было мнѣ хорошо, тамъ неумолчно мы клокотали, жара была вамъ непонятная—все было расплавлено, все жидко почти какъ вода; мы долго клокотали, но мнѣ надоѣло все одно и тоже—я сталъ искать того мѣста внутри земли, гдѣ бы легче было вырваться наружу и, придвинутый внутреннимъ потокомъ къ тому мѣсту, которое начало вздуваться, я выдвинулся на поверхность. Однако поднявшій насъ газъ не могъ прорваться наружу—онъ съ большимъ шумомъ, грохотомъ пошелъ сильными толчками (что вы называете землетрясеніями) искать себѣ выхода наружу въ другомъ мѣстѣ, гдѣ кора была потоньше, а я такъ и остался на поверхности. Съ того времени я не видѣлъ болѣе внутренности земли, но увѣренъ тамъ и теперь также хорошо и жарко какъ было прежде. Какъ жаль, что моя молодость ушла, впрочемъ, можетъ, быть и теперь подо мною въ центрѣ земли собираются такіе же безпокойные юноши какимъ былъ я, быть можетъ, они здѣсь вырвутся наружу, а я опять попаду на старости лѣтъ къ себѣ домой, чтобы обновиться. Однако когда я и вся наша масса, въ видѣ огромной *гряды горнаго хребта*, вышелъ изъ глубины, многое на поверхности уже было не такъ, какъ было прежде. Я оставилъ все горячимъ, солнце холоднымъ, а теперь вся поверхность земли застыла; я сталъ тоже охлаждаться, особенно когда земля во время своего вращенія, отворачиваясь отъ солнца, оставляла нашу сторону въ тѣни; только тутъ мы стали замѣчать, что одно лишь

солнце не отнимаетъ отъ насъ тепла, а воздухъ вбиралъ его въ себя довольно сильно, такъ что день ото дня мы все холодѣли и дѣлались гуще и гуще. Особенно много отнимали у насъ тепла первыя капли воды, дождь — который изъ воздуха падалъ на насъ ежедневно ливмя; однако мы были такъ горячи еще, что каждая капля улетучивалась, испарялась почти мгновенно едва упадетъ на насъ; этотъ то постоянно падающій и высыхающій дождь болѣе всего отнималъ отъ насъ тепла. Постепенное охлажденіе совершенно измѣнило мои понятія и нашъ видъ; пока мы были горячи, расплавлены, кипящи, мы свѣтились ярко, такъ ярко, что солнечнаго свѣта мы и не замѣчали, какъ не замѣчали и тепла его; тогда для насъ не было ни дня, ни ночи, ни утра, ни вечера; но мѣрѣ того, какъ мы охлаждались, тускли, солнечный свѣтъ и теплота становились для насъ примѣтнѣе; наконецъ я сталъ понимать день, ночь и сутки. Пока я былъ, жидкимъ, всѣ мои части были совершенно однородны, одноцвѣтны, одинаково густы; но холодъ измѣнялъ насъ постепенно; только теперь можно было замѣтить, что въ каждомъ нашемъ кусочкѣ есть нѣсколько совершенно разнородныхъ частицъ, которыя начали сближаться между собою, тѣснѣе и тѣснѣе, по мѣрѣ охлажденія, стали располагаться различно и принимать различные цвѣта; однѣ, они остыли ранѣе другихъ частицъ, сложились плиточками, легко теперь ломающимися на четыреугольнички (какъ кубы, только косые), и видны до сихъ поръ во мнѣ; при всякомъ случаѣ, когда отъ меня отваливаются, отторгаются кусочки, они отторгаются правильными плиточками, какъ будто они были спаяны и теперь отстаютъ по *спайнымъ плоскостямъ*; эту часть нашу, часть булыжника люди называютъ *полевымъ шпатомъ*, она чаще всего красноватая, или желтоватая. Вглядитесь внимательно, на поверхности моей находится какъ бы рисунокъ, мѣстами представляющій четыреугольники: эта очерченная прямыми линіями часть и есть полевой шпатъ; иногда онъ выкалывается правильнымъ многогранникомъ, *кристалломъ*. Другая часть, охлаждавшаяся позже, расположилась тонкими листочками, мелкими чешуйками, большею частію чернаго цвѣта или безцвѣтная — это *слюда*, наконецъ вся остальная связующая стекловатая, безцвѣтная или совершенно блѣдно-молочнаго, бѣловатаго цвѣта часть приняла форму неправильныхъ зеренъ

потому, что полевой шпатъ и слюда неправильно тѣснили ее съ разныхъ сторонъ; эта зернистая, позже застывшая, но самая твердая часть есть *кварцъ*, тотъ же песокъ,—но крупный, еще не размельченный и не округленный водою.

— Значитъ, Андрей Ивановичъ, булыжникъ это не одинъ камень?

Нѣтъ, камень то онъ одинъ, но только *сложный*, состоящій изъ полеваго шпата, слюды и кварца. Ударимъ его молоткомъ, отколемъ кусокъ — всѣ осколки будутъ угловаты, потому что полевой шпатъ и слюда дѣлятся по спайностямъ — отскакиваютъ отъ зеренъ кварца. Въ природѣ булыжники отрываются отъ гранитныхъ горныхъ цѣпей и дробятся сами собою не силою ударовъ какого либо молота, а медленно, незамѣтно, по видимому слабо, но за то постоянно дѣйствующими силами тепла и сырости, подобно тому и тѣми же силами, какими песчинки отрываются отъ булыжниковъ (см. № II, кн. I стр. 115). Въ самомъ дѣлѣ, не одинаково сжимаются и разширяются отъ холода и тепла составныя части гранита, и потому вездѣ въ гранитѣ, куда только проникаетъ холодъ, во всю толщину на какую онъ промерзаетъ, связь между частицами разрывается, въ промежутки входитъ сырость, отъ нея поверхность каждаго кристала полеваго шпата измѣняется, вывѣтривается, обращается *въ глину*. Зимою вода, попавшая въ эти щели, замерзаетъ, еще болѣе раздвигаетъ частицы гранита, разрываетъ его части, гранитъ разсыпается въ крупную *дресву*, или въ болѣе мелкую *гравель*, которая потомъ уже обращается въ песокъ.

Потоками сильныхъ дождей, тающихъ снѣговъ, какъ глина, такъ и оторванные отъ горъ большіе куски гранита сносятся внизъ, къ ручьямъ, рѣкамъ; на пути всѣ края, углы ихъ обтираются, округляются, падаютъ на дно ручейковъ и рѣкъ, даютъ тамъ рѣчную глину и песокъ, а самый гранитъ округляется и получается тотъ видъ, въ которомъ мы его называемъ булыжникомъ, валуномъ (валяющимся камнемъ).

— Скажите же, Андрей Ивановичъ, ежели всѣ булыжники только отторженцы отъ горъ, то отчего же они такъ не одинаковы и неужели гранитныя горы разрушились совершенно такъ, что теперь вблизи насъ совсѣмъ не видно не только гранитныхъ, но никакихъ горъ.

— Неодинаковость булыжниковъ или правильнѣе гранитовъ происходитъ отъ того, что не во всѣхъ ихъ находится одинаковое количество каждой изъ составной части; въ одномъ болѣе полеваго шпата, въ другомъ болѣе кварца, въ третьемъ болѣе слюды; кромѣ того, каждая изъ этихъ составныхъ частей не всегда одинаковаго цвѣта: въ одномъ полевой шпатъ зеленоватый (олигоклазъ), въ другомъ красноватый (рапакиви—гнилой камень, отъ того, что горы его скоро разрушаются и разсыпаются), въ третьемъ желтоватый, въ иномъ съ переливами цвѣтовъ—лабрадоръ и прочее; точно также не одинако окрашенъ бываетъ и кварцъ; иногда слюды почти вовсе не бываетъ (пегматитъ). Кромѣ того въ гранитахъ попадаются многіе камни, иногда даже драгоцѣнные; какъ топазъ, малиновый шерлъ, бериллъ, гранатъ и др.

«Такъ въ нашихъ булыжникахъ можно найти и драгоцѣнные камни? Отчего же ихъ не ищутъ, а бьютъ булыжникъ и разбрасываютъ только на шоссе»?

— Въ нашихъ булыжникахъ найдешь развѣ зерна *граната*, но и то не очень хорошаго цвѣта; въ гранитахъ же сибирскихъ, особенно въ нѣкоторыхъ уральскихъ, попадаются и другіе камни, ихъ тамъ и ищутъ, особенно въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ граниты разрушились. Наши же булыжники происходятъ отъ гранитовъ финляндскихъ и шведскихъ. Оторванные куски гранитовъ сносились потоками внизъ, вмерзали на берегахъ моря въ льдины и со льдомъ были, теченіями и вѣтрами, занесены на наши берега; при весеннемъ высокомъ полноводіи они далеко отъ берега заносились внутрь страны, и теперь шведскіе, финляндскіе валуны раскинуты по полямъ почти половины Россіи до Москвы и даже до Тулы. Иногда камни эти чрезвычайно велики, въ сажень и въ двѣ высотою—это доказываетъ только, что нѣкогда воды Балтійскаго моря покрывали гораздо большую часть Россіи и достигали до тѣхъ мѣстъ, гдѣ теперь стоятъ Москва, Тула. Но объ этомъ другой разъ.

Въ этихъ булыжникахъ и можно встрѣтить тѣ камни, которые находятся въ гранитахъ Финляндіи, но и то не всѣ—и вотъ почему. Когда выдавленный на поверхность земли гранитъ остывалъ, онъ сжимался и среди его образовались трещины и пустоты; на стѣнкахъ этихъ пустотъ было довольно мѣста, чтобы даже кварцъ, которому мѣшалъ полевой шпатъ кристалли-

зоваться въ массѣ, выкристаллизовался вполнѣ; точно также на стѣнкахъ этихъ пустотъ выкристаллизовались и другіе камни или минералы, которые находятся въ примѣси въ гранитѣ. Они попреимуществу суть разные виды кварца и полеваго шпата—о нихъ другой разъ.

Совершенно иное содержатъ въ себѣ тѣ огромныя трещины, которыя образовались во всю толщину гранитовъ. Онѣ наполнились снизу позднѣе выдавленными изъ центра земли по преимуществу кварцевыми породами, въ которыхъ встрѣчается золото, серебро, мѣдь, желѣзо и множество минераловъ. Но эти жилы въ финляндскихъ гранитахъ лежатъ такъ далеко отъ поверхности, что они не разрушились, и поэтому минералы эти надо добывать, выкапывать изъ самыхъ горъ, надо устраивать *рудники*. Во многихъ другихъ мѣстахъ, какъ у насъ на Уралѣ, во многихъ сибирскихъ, американскихъ, австралійскихъ горахъ эти горныя жилы, наполнявшія трещины, совершенно разрушились, превратились въ песокъ смѣшанный съ глиною и образовали розсыпи, изъ которыхъ простою промывкою и добываются золото, платина, алмазъ, сафиры и большая часть драгоцѣнныхъ камней.

Но довольно на этотъ разъ—и то я обѣщалъ тебѣ другой разъ сказать о древнихъ моряхъ, о кварцевыхъ и полевошпатныхъ породахъ. Въ заключеніе я могу тебѣ посовѣтовать лѣтомъ набрать какъ можно болѣе разнообразныхъ по *формѣ, цвѣту, сложенію* и *твердости камней*. Осенью мы ихъ разберемъ.

Марцеллъ.

Курочки закудахтали.

Коля знаетъ что это значитъ: онѣ снесли яички.

Мама послѣ этого всегда ходитъ въ курятникъ.

Мамы нѣтъ дома; почему же Колѣ самому не собрать яички?

Посмотрите, какое славное яичко!

Что такое? Коля споткнулся!

Ай, ай, ай! яички разбились.

Бѣдный Коля очень испугался!

Большой бѣды тутъ нѣтъ: на завтра курочки опять снесутся; но ужь Коля самъ не пойдетъ сбирать яички, а лучше дождется маму.